Александр Беляев

Борьба в эфире

Аннотация

«Борьба в эфире», или «Радиополис», — произведение, впервые опубликованное ещё 90 лет назад — в журнале «Жизнь и техника связи» в 1927 году.

Эта книга — не просто большая книжно-фантастическая редкость. В годы «холодной войны» к ней проявляло особый интерес ЦРУ — фактически, это было единственное произведение советской фантастики, где описывалась возможная американо-советская война.

Главный герой в силу стечений целого ряда обстоятельств попадает в будущее, не очень-то точно определённое хронологически. Коммунизм победил на большей части Земного шара — красное знамя развевается над Европой, Азией и Африкой. Фактически единственным форпостом капитализма осталась одна Америка. Пока она ещё как-то защищается с помощью некоего таинственного «универсального оружия». Но конец её уже предрешён и наш попаданец из прошлого успел как раз вовремя — война систем выходит на финишную прямую…

Александр БЕЛЯЕВ
БОРЬБА В ЭФИРЕ

Глава первая
В ЛЕТНИЙ ВЕЧЕР

Я сидел на садовом, окрашенном в зелёный цвет плетёном кресле у края широкой аллеи из каштанов и цветущих лип. Их сладкий аромат наполнял воздух. Заходящие лучи солнца золотили песок широкой аллеи и верхушки деревьев.

Как я попал сюда, в этот незнакомый сад? Я напрягал память, но она отказывалась служить мне. Только вчера, а может быть, и всего несколько часов тому назад была зима, канун Нового года. Я возвращался со службы домой, из Китай-города в Москве к себе на квартиру. Обычная трамвайная давка. Сердитые пассажиры. Всё такое привычное. Пришёл домой и уселся у письменного стола в ожидании обеда. На столе стоял передвижной календарь и показывал 31 декабря.

«С Новым годом! Не забудьте купить календарь на 19… год» — было напечатано на этом листке.

«А ведь я действительно забыл купить», — подумал я, глядя на календарь.

Всё это я помню хорошо. Но дальше… Что было дальше? Я, кажется, надел по привычке наушники моего самодельного радиоприёмника «по системе инженера Шапошникова», чтобы успеть до обеда послушать несколько радиотелеграмм ТАСС, — москвичи приучились «уплотнять время». Помнится, тягучий голос передавал телеграмму о войне в Китае. Но дальше в моей памяти был какой-то провал. Она отказывалась служить мне. Не мог же я проспать до лета?! Что всё это значит? Загадка! В конце концов мне ничего не оставалось больше, как примириться с происшедшей переменой.

«Если это сон, то интересный, — подумал я. — Будем смотреть».

Но это не могло быть сном. Слишком всё было реально, хотя и необычайно странно и незнакомо.

По широкой аллее, уходящей лентой в обе стороны, ходили в разных направлениях люди. Почти все они были молоды. Стариков, бредущих дряхлой походкой, я не видел. Все были одеты в костюмы, напоминавшие греческие туники: широкая, опоясанная рубашка, доходившая до колен, открытые руки и грудь. Этот костюм был прост

и однообразен по покрою, но в каждом было нечто особенное, очевидно отражавшее вкус носителя. Костюмы отличались один от другого цветом. Преобладали нежные цвета — сиреневые, бледно-палевые и голубые. Но были туники и более яркой окраски, с узорами и затейливыми накладками. Ноги жителей неизвестной страны были обуты в лёгкие сандалии. Головы с остриженными волосами — непокрыты. Все они были пропорционально сложены, смуглы от загара, здоровы и жизнерадостны. Среди них не было ни толстых, ни худых, ни чрезмерно физически развитых. И, правду сказать, я не всегда мог разобрать, кто из них юноша, а кто девушка.

Особенно поразила меня одна их странность: одинокие люди шли, о чём-то разговаривая, хотя вблизи никого не было, смеялись, отвечали на вопросы кого-то невидимого. Каждый держал около своего рта левую руку, как будто желая прикрыть его.

«Может быть, они сумасшедшие? И этот парк находится при лечебнице?» — подумал я. Но тогда здесь должны быть сиделки, врачи, сторожа, которые присматривали бы за больными. Однако белых халатов не было видно. Некоторые проходили довольно близко около меня, и тогда я слышал обрывки их одиноких разговоров. Но они говорили на каком-то незнакомом языке. Где же в конце концов я нахожусь? И отчего они все смотрят на меня с таким удивлением? Я, кажется, вполне прилично одет в костюм от «Москвошвея»…

Рядом со мной было свободное кресло. Я хотел и одновременно боялся, что кто-нибудь подсядет ко мне, старался не привлекать к себе взглядов этих людей. Сидел с независимым видом и слушал мелодичную музыку, которая доносилась из стоявшей неподалёку от меня статуи Аполлона.

Не знаю, долго ли я просидел бы ещё в таком одиночестве, если бы не случай, который привёл меня к более близкому соприкосновению с этим новым миром. Совершенно пустячный случай: мне захотелось курить. Я вынул коробку папирос «Люкс» и закурил. Это невинное занятие произвело совершенно неожиданный для меня эффект.

Несмотря на то, что все эти юноши (или девушки) были, по-видимому, очень сдержанными, они вдруг целой толпой окружили меня, глядя на выходящий из моего рта дым с таким изумлением, как если бы я начал вдруг дышать пламенем. Они о чём-то начали горячо

говорить между собою на своём языке. Я невольно смутился, но постарался сохранить непринуждённый вид и даже заложил ногу на ногу.

Наконец один из них отделился от толпы, приблизился ко мне и спросил:

— Kiu vi (Киу ви)?

«Ви» — очень похоже на «вы». О чём они могут спрашивать? Конечно же о том, кто я. Не эсперанто ли это? Как досадно, что я не изучал эсперанто.

— Я русский, из Москвы.

Спрашивавший обернулся к толпе, и они опять о чём-то заговорили. Поняли ли они меня? Поговорив, они вдруг замолчали, и тот, который говорил со мной, приложил руку ко рту. В руке его я заметил небольшой круглый чёрный предмет. Молодой человек держал этот предмет у рта, когда говорил. Вот оно что! Телефон! Телефон без проводов. Очевидно, радио. Во всяком случае, я попал к культурным людям. О таких успехах радио мы ещё не мечтали и Москве. Но что это за страна, что за народ?

Однако у меня не было времени рассуждать. Окружавшая толпа насторожилась в ожидании чего-то. Некоторые нетерпеливо посматривали на небо.

«Не ждут ли они милиционера?» — подумал я, ища глазами урну для окурков. Я не нашёл её и бросил окурок на дорожку. Несколько человек осторожно придвинулись, нагнулись и с любопытством стали рассматривать окурок.

Толпа вдруг заволновалась. Все головы поднялись вверх. Я посмотрел в ту же сторону и увидел летящую в небе точку. Точка выросла в комара, в муху, — кто-то летел сюда, какое-то странное насекомое с небольшими, трепещущими крылышками. К моему изумлению, насекомое оказалось человеком. Он быстро опустился, плавно и бесшумно, рядом с моим креслом. Крылья сложились за его спиной, как у бабочки. Прилетевший был в такой же тунике, но синего цвета и из более плотной материи. На голове у человека совершенно не было волос, лицо же его ничем не отличалось от других, только несколько морщинок у его тёмных, умных глаз говорили о том, что он уже не молод.

— Ви русский? — спросил он меня.

«Переводчик», — подумал я.

— Да, я русский.

Я назвал свою фамилию и протянул ему руку. Этот жест, по-видимому, напугал стоявших вблизи меня, и они подались назад.

«Переводчик» удивлённо посмотрел на мою протянутую руку, о чём-то подумал, улыбнулся, кивнул головой и с некоторым внутренним усилием, как будто боясь замарать свою руку, протянул её. Эти странные люди, очевидно, не знали о том, что такое рукопожатие. Переводчик не пожал мою руку, как это обычно делается, а лишь поднёс свою руку и приложил к моей ладони. Окружающие молча наблюдали эту церемонию.

— Здравствуйте, — сказал он, точно, как иностранец, выговаривая каждую букву. — Я историк. Меня зовут Эль. Мы хотим знать, кто вы, откуда вы, как и с какой целью вы прилетели сюда?

Гм… «Цель прилёта». Вероятно, они не знают иного способа сообщения, кроме воздушного. Однако что я могу ответить ему?

— Откуда — я уже сказал вам. Ничего большего вам сообщить не могу, потому что и сам не знаю, как попал сюда. И мне очень хотелось бы поскорее вернуться в Москву.

— Вернуться в Москву? — Эль обернулся к толпе и, очевидно, перевёл слушателям мой ответ. Послышались восклицания удивления и смех.

Я начал сердиться.

— Право, в этом нет ничего смешного, — сказал я Элю. — И я, со своей стороны, просил бы вас ответить мне, кто вы и где я нахожусь. Как называется этот город, в каком государстве он находится?

— Не сердитесь, прошу вас, — ответил Эль. — Я вам объясню потом, почему ваш ответ вызвал смех. Отвечу по порядку на ваши вопросы. Мы — граждане… — он несколько запнулся, — чтобы быть вам понятным, я скажу, что мы граждане Союза Советских Социалистических Республик.

— Эс-эс-эс-эр? — воскликнул я.

— Почти так, — улыбаясь, ответил Эль. — Город этот — если теперь вообще можно говорить о городах — называется Радиополис — Город радио.

— А Москва далеко?

— В трёх минутах лёта.

— Летим скорее туда, я хочу…

— Не так скоро. Вы ещё посмотрите на вашу Москву. А пока нам нужно ещё о многом переговорить с вами и многое выяснить. Надеюсь, что к утру всё объяснится.

— Арест? — спросил я.

Эль в задумчивости поднял глаза вверх, с видом человека, желающего что-то припомнить, потом вынул из кармана маленькую книжку, перелистал её («словарь», — подумал я) и ответил с улыбкой:

— Нет, не арест. Но простая мера предосторожности. Исключительный случай. Я объясню вам. Я прилечу ровно в полночь, то есть в десять часов.

— Значит, раньше?

— Это и будет ровно в полночь. У нас десятичный счёт времени. А вас пока проводит Эа. — И Эль что-то сказал Эа.

Эа, юноша, который первым заговорил со мной, подошёл ко мне и, приветливо кивнув головой, жестами предложил мне идти за собой. Протестовать, возражать? Что мог я сделать, один против всех? Я пошёл, едва поспевая за своим легконогим «конвоиром», как мысленно назвал я его, в боковую аллею. Встречные бросали на меня взгляды, в которых светилось удивление и любопытство. Очевидно, их поражал мой костюм. Скоро мы вышли на небольшую площадку среди дубовой рощи. В центре площадки стояло несколько маленьких авиеток неизвестной мне конструкции, с двумя пропеллерами: впереди и сверху, но без крыльев и без мотора.

Мой спутник указал на место для меня и уселся сам у управления. Я последовал за ним. Эа нажал кнопку. Верхний пропеллер почти бесшумно завертелся, и мы быстро начали отвесно подниматься. Полёт наш продолжался не больше пяти минут, но, вероятно, мы достигли большой вышины, так как даже в своём суконном костюме я почувствовал холод.

Вдруг сбоку от нас показалась огромная круглая площадка, неподвижно висящая в воздухе. Мы поднялись ещё выше и опустились на эту площадку. Посреди неё стояло круглое железное здание с куполообразной крышей.

Глава вторая
ВОЗДУШНАЯ ТЮРЬМА

«Воздушная тюрьма, — подумал я. — Отсюда не убежишь. Странные эти люди: не знают слова „арест“, а строят такие тюрьмы, которым позавидовали бы строители Бастилии!»

Мой молодой спутник ушёл, оставив меня одного. Я подошёл к краю площадки, обнесённой железной оградой, посмотрел вниз и невольно залюбовался.

Здесь, наверху, ещё ярко светило солнце, а внизу уже легли синие тени. Вся видимая площадка до горизонта напоминала шахматную доску, с чёрными клетками лесов и более светлыми — полей. Какие-то реки или каналы прямой, голубовато-серебристой лентой прорезали эту шахматную доску в нескольких местах. Домов не было видно в синеве сумерек. Повернувшись вправо, я увидел нечто, заставившее меня вскрикнуть. В лучах заходящего солнца сверкали золотом главы кремлёвских церквей, Иван Великий, соборы. Нет никакого сомнения, это московский Кремль. И всё же это был не тот московский Кремль, который знал я… Нельзя было узнать и Москвы-реки. Её, очевидно, выпрямили. Яузы совсем не было видно. Я напрягал зрение, пытаясь рассмотреть Москву с этой высоты. Но Эа легко коснулся моего плеча и жестом предложил следовать за ним. Я повиновался и, вздохнув, переступил порог моей тюрьмы.

Странная, необычная тюрьма! Огромный круглый зал был залит светом. Все стены уставлены шкафами с книгами. Перед полками стоят столы с неизвестными мне инструментами, похожими на сломанные фотографические аппараты и микроскопы. А всю середину комнаты занимал огромный телескоп. Или у них особая система содержания преступников, или… или у них совсем нет тюрем, и меня поместили в обсерваторию, как наиболее надёжное, трудное для побега место. Так оно и оказалось.

Ко мне подошёл пожилой, но бодрый и жизнерадостный человек, с несколько монгольским типом лица, такой же безволосый, как Эль. Он радушно поднял руку в знак приветствия, с любопытством изучая меня. Я постарался скопировать его приветственный жест. Рядом с ним

стояла, по-видимому, девушка в голубой тунике. Она так же поздоровалась со мной. Затем пожилой человек указал мне на дверь в соседнюю комнату, куда я и прошёл в сопровождении Эа. Эта комната была тоже круглая, но поменьше. Здесь не было инструментов. Комната была обставлена простой, но удобной мебелью и служила, очевидно, гостиной или столовой. У стены стоял небольшой белый экран из какого-то металла, в квадратный метр величиной, и около него чёрный лакированный ящик. Эа предложил мне сесть. На этот раз я охотно выполнил его предложение. Я чувствовал себя несколько усталым. Этого мало. Мне хотелось есть. Но как мне объяснить это?

Я просительно посмотрел на Эа, поднёс руку к открытому рту и сделал вид, что жую. Эа подошёл ко мне и внимательно посмотрел в рот. Он не понял меня, очевидно, подумал, что у меня что-нибудь болит. Я отрицательно замотал головой и начал выразительно жевать и глотать. Удивительно непонятливый народ! Я изощрял все свои мимические способности. Эа с напряжённым вниманием наблюдал за мною. Наконец он, по-видимому, понял меня и, кивнув головой, вышел из комнаты. Я вздохнул с облегчением. Но мне скоро пришлось разочароваться. Эа принёс на золотом блюдечке облатку какого-то лекарства и маленькую рюмочку воды, чтобы запить это снадобье. Я сделал довольно энергичный жест рукой, выражавший мою досаду, и резко отстранил его тарелочку. Эа не обиделся, а скорее опечалился. Потом он вдруг поднёс ко рту свою руку с прикреплённым к ладони телефоном и что-то сказал. Свет мгновенно погас.

«Рассердился», — подумал я.

Вдруг экран загорелся белым светом; на нём я увидел угол комнаты и сидящего в кресле Эля. Изображение было так живо, что мне показалось, будто я вижу историка сквозь открывшееся окно в соседней комнате. Эль поднялся, подошёл к самому экрану и, с улыбкой глядя на меня, спросил:

— Что у вас случилось? Вы голодны? Почему вы отказались от таблетки? Её нужно проглотить, и ваш голод будет утолён. Мы не жуём, только глотаем. Вот почему Эа и не поняла вашей мимики.

— Но я не привык к такой пище, — смущённо ответил я, удивляясь, почему Эль сказал про юношу: «Эа не поняла».

— Завтра мы приготовим вам что-нибудь получше, по вашему московскому вкусу, — опять улыбнулся Эль, — а сегодня уж

поужинайте таблеткой. Я буду в десять, — напомнил он.

Экран погас, свет в комнате вспыхнул.

Я, улыбаясь, кивнул головой Эа, взял таблетку, проглотил и запил водой. Таблетка была ароматичной и оставила приятный привкус во рту. Не прошло и минуты, как я почувствовал сытость и жестом поблагодарил Эа. Он улыбнулся с довольной улыбкой. Он или она? Этот вопрос интересовал меня. Все эти новые «москвичи» так мало отличаются друг от друга и по сложению, и по костюму, что трудно различить пол. Как бы мне спросить Эа? Если они говорят на эсперанто, то… надо вспомнить. В эсперанто много латинских корней. Мужчина, муж по-латыни vir (вир). Попробуем.

— Ви виро? (Вы мужчина?)

Эа рассмеялась, отрицательно качнула головой и шаловливо выбежала из комнаты. Кто бы мог подумать! Совсем мальчишка!

Поужинав таблеткой, я вышел на площадку. Было прохладно. По тёмно-синему небу разливались шесть перекрещивающихся огромных светлых полос, которые скрывались за горизонтом. Точно лёгкая золотая куполообразная арка покрывала землю. Это было изумительно красивое зрелище. Только гигантские сверхмощные прожекторы могли создать эти огненные реки. Когда глаз несколько привык к свету, я увидел, что по золотым рекам плывут золотые корабли — длинные, сигарообразные воздушные суда, снующие, как челноки, с изумительной быстротой.

Налюбовавшись этим зрелищем, я обратил внимание на какой-то предмет, напоминавший большой шёлковый мешок. Этот мешок был укреплён на довольно высоком шесте, и от него спускалась на площадку верёвка. Несколько таких мешков висело и в других местах у края площадки. Из любопытства я дёрнул за верёвку. Вдруг, прежде чем я успел выпустить её из рук, меня потянуло вверх. Мешок поднялся, с шумом раскрылся в огромный парашют и метнулся за борт воздушной площадки. Я похолодел от ужаса. К счастью, я заметил рядом нечто вроде трапеции. Я уселся на неё и полетел в бездну.

Глава третья
САМАЯ КОРОТКАЯ НОЧЬ

Это была самая короткая ночь в моей жизни — так быстро пролетела она, наполненная самыми необычайными впечатлениями.

Неожиданно сорвавшись на парашюте с площадки воздушной обсерватории, я скоро привык к своему положению лётчика поневоле и с интересом смотрел вниз.

По мере того как я опускался, быстро теплело. Лёгкий ветер относил меня в сторону, по направлению к Кремлю. Недалеко от него я увидел рощу кипарисов, среди которой стоял прекрасный мраморный фонтан, освещённый взошедшей луной. Эти кипарисы, росшие на открытом воздухе, рядом с кремлёвскими стенами, поразили меня. Но я тотчас забыл о них, привлечённый новым зрелищем. Парашют перенёс меня через Кремлёвскую стену, со стороны Боровицких ворот, и я опустился… на площади, покрытой снегом. Не веря своим глазам, я взял снег рукою. Это был настоящий холодный снег, но он не таял от окружавшего тёплого воздуха, ни даже от моей горячей руки. Что за невероятные вещи творятся здесь?

Я посмотрел вокруг. Стояла необычайная тишина. Луна золотила купола церквей и зажигала синие искры бриллиантов на запорошённых снегом крышах древних теремов. В одном из них, в маленьком окошечке, со слюдой вместо стёкол, светился желтоватый огонёк. Но на улицах никого не было видно. У Красного крыльца стояли два бородатых стремянных в тёплых кафтанах, отороченных мехом, и в меховых остроконечных шапках. Опираясь на бердыши, они дремали. Стараясь не разбудить их, чтобы вторично не подвергнуться аресту, я осторожно обошёл их по скрипевшему снегу и побрёл к центру Кремля, пытаясь разрешить загадку: в каком же веке я живу? Мои размышления были неожиданно прерваны Элем, который буквально свалился с неба — так быстро он опустился на своих крылышках.

— Вы наделали мне очень много хлопот, — сказал он, с укоризной глядя на меня. — Вы хотели бежать?

Я смутился и стал уверять, что всё вышло случайно, из-за моего неосторожного любопытства.

Вслед за Элем спустилась на двухместной авиетке Эа.

— Ну хорошо, — поспешно ответил Эль. — Садитесь скорее, летим. По крайней мере, вы побывали в нашем музее.

— Так это был музей!

Я не успел прийти в себя, как уже вновь был водворён в небольшую круглую комнату моей воздушной тюрьмы.

Эль, Эа и я уселись в плетёные кресла у круглого стола. Эль хмурился и как будто ожидал чего-то. Послышался очень мелодичный музыкальный аккорд — словно искусные лёгкие пальцы пробежали по струнам арфы. Аккорд прозвучал и замер.

— Десять часов. Полночь. Это пробили радиочасы, — сказал Эль, обращаясь ко мне. Приложив руку ко рту, он задал кому-то вопрос на своём лаконичном языке. Потом кивнул головою — очевидно, на полученный ответ.

«Как же он слышит?» — подумал я, глядя на Эля.

Я заметил в его ухе, несколько ниже слухового отверстия, небольшой чёрный предмет, величиной с горошину. Это и был, вероятно, слуховой аппарат.

Необычное молчание и озабоченность моих спутников привели меня в нервное состояние. Я вынул коробку папирос и закурил. Эль покосился на дым и отвернулся. Эа сидела ближе ко мне. Вдруг она сильно закашляла, побледнела и откинулась на спинку кресла. Потом быстро встала и, шатаясь, вышла из комнаты.

— Перестаньте курить, — сказал Эль и, подойдя к стене, повернул какой-то рычажок. Воздух моментально освежился. Я погасил папироску и бережно уложил её в коробку.

Дверь открылась. Вошла Ли, ассистент астронома Туна. Она подала Элю портрет и, что-то сказав, вышла. Эль кивнул головой и начал глядеть попеременно на принесённый портрет и на меня.

«Сличает, — подумал я. — Из уголовного розыска, наверно, прислали. Не хватало только, чтобы я оказался похожим на какого-нибудь преступника!»

Но слова Эля успокоили меня.

— Да ничего похожего, — сказал он, передавая мне карточку. — Только что получена по радио из Америки.

Меня поразила художественность выполнения. Лучший фотограф Москвы позавидовал бы такой работе. Но сам портрет заставил меня улыбнуться. На нём был изображён человек, костюм которого напоминал вязаную детскую «комбинацию» из шерсти. Сходство дополнял вязанный из такой же материи колпачок. Шея неизвестного была завёрнута шарфом до самого подбородка. Довольно большая голова без бороды и усов и даже бровей напоминала голову ребёнка со старческим выражением лица. Только в несколько прищуренных глазах светился недетский ум и хищность зверька.

— Что всё это значит? — спросил я у Эля, окончив осмотр портрета.

— Так выглядят американцы, — сказал Эль и взял портрет. — А дело вот в чём. Мы получили сведения, что к нам послан шпион. В этот самый момент появились вы…

— И вы решили?..

Эль пожал плечами.

— Вполне понятная предосторожность. Наступают тревожные времена. Вероятно, вновь придётся создать Совет. Вам знакомо это слово?

— Разумеется. А у вас его нет?

— Уже много лет в нём не было надобности.

— А теперь?

— А теперь он вновь стал нужен. По-видимому, вы действительно человек из далёкого прошлого. Со временем мы разъясним эту загадку. А пока я могу дать вам некоторые пояснения.

— Признаюсь, я многого не понимаю и очень хочу услышать ваши пояснения, но нельзя ли отложить их до завтра? Я смертельно устал, и… сон одолевает меня…

Я зевнул во весь рот. Эль с любопытством взглянул на меня.

— Неужели у вас всегда так страшно раскрывали рот, когда хотелось спать? Это называлось, кажется, зе… зе…

— Зевать.

— Да, да, зевать. Я читал об этом.

Эль вынул из кармана изящную коробочку из лилового металла, раскрыл её и протянул мне.

— Проглотите одну из этих пилюль, и ваш сон и усталость исчезнут.

Заметив моё колебание, он поспешно сказал:

— Не бойтесь, это не наркотик, который искусственно стимулирует нервную деятельность, вроде ваших ужасных папирос. Это пилюли, нейтрализующие продукты усталости. Они безвредны и производят то же действие, что и нормальный сон.

Я проглотил пилюлю и вдруг почувствовал себя свежим, как после хорошего, крепкого сна.

— Ну вот видите. Зачем терять непроизводительно треть жизни на сон, если это время можно провести более продуктивно! Теперь вы расположены слушать меня?

— Горю нетерпением…

— Так слушайте же.

И, усевшись поудобнее в кресле, Эль начал свой рассказ.

Много лет тому назад революционные потрясения прокатились по всей Европе и Азии. Я не буду перечислять вам этапы этой ужасной, но вместе с тем и великие эпохи. Американские капиталисты послали свой флот на помощь европейским «братьям» по классу, но флот был разбит объединёнными английскими, немецкими, французскими и русскими морскими силами. Тогда испуганные американцы поспешили убраться восвояси, предоставив события в Европе собственному течению, но не теряя жажды нажиться на гибели экономической мощи своих заатлантических соседей. Однако эти надежды не оправдались — революция победила. В самой Америке начались волнения рабочих. Американские рабочие просили помочь. И мы, конечно, не отказали им в этой помощи…

Эль печально опустил голову и замолчал. Я с нетерпением ожидал продолжения рассказа.

— Но эта помощь не принесла пользы. Американская техника в это время вполне овладела новым ужаснейшим орудием истребления — лучами смерти. Отправленный нами объединённый флот так и не увидел врага: он был истреблён в открытом море невидимым противником. Никто не вернулся из этой экспедиции, кроме одной подводной лодки, которая случайно избегла действия лучей, может быть, потому, что плыла слишком глубоко. Матросы этой лодки рассказывали ужасные подробности. Из своих окон, которыми снабжены наши подлодки, осветив прожекторами мрак глубин океана, моряки видели падающий дождь из обломков кораблей, целые тучи

рыб без головы или с наполовину сожжённым туловищем, случайно уцелевшими кусками человеческого тела. Все обитатели моря, попавшие в смертоносную зону, испепелялись. Вода в океане кипела и, вероятно, на поверхности она превращалась в пар. Даже на той глубине, на которой находилась подводная лодка, вода нагрелась так, что моряки едва не погибли. Действие дьявольских лучей, очевидно, не только тепловое. Они разрушают ткани живого организма ультракороткими электроколебаниями.

— Это имеет связь с радиоволнами?

— Увы, это всё то же радио, но применённое для целей разрушения.

— И чем же всё это кончилось?

— Это было только начало. Мы попытались применить воздушный флот. В то время и у нас техника уже была высоко развита. У нас имелись воздушные суда, действовавшие по принципу полёта ракет. Эти суда могли подниматься выше слоя воздушной атмосферы, то есть больше двух тысяч метров. Мы надеялись напасть на врага врасплох «с неба». Но враг был хорошо подготовлен. Очевидно, по всем границам Америки от земли вверх были направлены те же невидимые, но смертоносные лучи. Едва наши воздушные суда, сделанные из особого металла, вошли в эту завесу, как были превращены даже не в пепел, а в пар…

А десять часов спустя страшное бедствие пронеслось по всем странам Европы и Азии. Через сороковой меридиан северной широты — по Испании, Италии, Балканам, Малой Азии, Туркестану, Китаю и острову Ниппон в Японии без единого звука пронёсся смертоносный луч, испепеливший на своём пути в полосе ста километров шириной все здания, людей, животных, нивы, хлопковые поля, сады.

— Да вот, посмотрите, — сказал Эль.

Он подошёл к распределительной доске и нажал несколько кнопок с цифрами, потом повернул рычаг. Свет погас и экран ожил. Я ожидал увидеть кинофильм, но то, что я увидел, превзошло все мои ожидания. Это были не «документальные картинки», — это была сама жизнь. Иллюзия была полная.

Вот улица какого-то города…

— Испания, — тихо сказал Эль.

…Все дома вдоль улицы наискось были как будто срезаны каким-то невидимым ножом, открывшим внутренние комнаты. Там, где прошёл ужасный луч, остались лишь груды развалин, кучи пепла и мусора. Кое-где валялись части человеческих тел. Всё, попавшее в зону действия луча, испепелялось. Местами догорали пожары. Я слышал треск пламени, грохот падения стен. Уцелевшие обезумевшие люди бродили среди этих развалин, тщетно пытаясь разыскать своих родных. Они рыдали, кричали, посылали кому-то проклятия… Вот пробежала с растрёпанными волосами и безумными глазами женщина.

— Аугусто, Аугусто! — кричала она. И вдруг, повернувшись прямо ко мне лицом, истерически захохотала…

Я слышал её смех, страшные вопли людей. Зрелище было потрясающим. Невольно я отвернулся.

— Снято несколько часов спустя после катастрофы, — взволнованно проговорил Эль.

Он повернул рычаги, и на экране появилась новая картина.

— Всё, что осталось от итальянского городка Маратео залива Поликастра, — сказал Эль.

Несколько пальм и груды развалин, двое смуглых, кудрявых детей и старуха в лохмотьях. У одного ребёнка были отожжены ноги по колена. Он лежал без сознания. Мальчик постарше смотрел на него с молчаливым ужасом, а старуха, склонившись над ребёнком, раскачивала седой, взлохмаченной головой и выла протяжно, надрывно, как воют собаки… Рядом, с оскаленными зубами и большими остекленевшими глазами, лежала ослиная голова — одна голова… Листья пальм шумели, шуршали камни под набегающими волнами, как унылый аккомпанемент к однообразному, хватающему за душу, вою старухи… Это было слишком…

— Я не могу больше, — тихо сказал я, — довольно!

Эль вздохнул, повернул рычаг. Экран погас, и в комнате загорелся свет.

Подавленные только что увиденным, мы сидели молча.

— Я видел не раз эти картины, — сказал наконец Эль, — но и до сих пор я не могу их смотреть без глубокого волнения…

— Да, это ужасно, — ответил я.

— Когда наша молодёжь видит эти картины, она зажигается такой ненавистью и такой жаждой борьбы, что её трудно удержать от

опрометчивых поступков и бесцельных жертв. Мы нечасто показываем эти картины.

— Скажите мне, это кино? — спросил я, когда волнение немного улеглось.

— Комбинация звучащего кино и передачи движущихся изображений и звуков по радио. У нас есть центральный киноархив, действующий автоматически. Я ставлю на этой доске номер, нужный мне кинофильм автоматически подаётся в киноаппарат, он начинает работать на экране, установленном в киноархиве. При помощи радио изображение и звуки передаются в любое место.

— Поразительно! И что же было дальше?

— Что могло быть после всего, что вы сами видели? Дальнейшее упорство с нашей стороны могло погубить всю Европу и Азию. Мы вынуждены были прекратить борьбу, пока не создадим равного оружия. И наши инженеры немало поработали над изобретением такого оружия. В этом отношении мы многим обязаны Ли. Это гениальный юноша.

— Ли? Ассистент астронома Туна? В голубой тунике? Разве он не девушка?

Эль улыбнулся.

— Нет. Это юноша, вернее, молодой человек. Мы не скоро старимся. Сколько, вы думаете, может быть мне лет?

— Тридцать пять, самое большое, сорок, — сказал я.

— Восемьдесят шесть, — улыбаясь, ответил Эль, — Ли — тридцать два, а Эа — двадцать пять.

Я был поражён.

— И что же изобрёл Ли?

— Он изобрёл средство заграждения от дьявольских лучей. Они больше не страшны нам. Он нашёл секрет и производства самих дьявольских лучей. Мы сравнялись силами.

— И теперь можно начать борьбу?

— Не совсем. Их лучи не пробивают нашей невидимой брони, а наши — их. Мы стали взаимно неуязвимы друг для друга, но и только. И всё же борьба продолжается. Не так давно каким-то чудом пробрался к нам из Америки ещё один беглец — негр. Он работал на береговых заграждениях, на восточном берегу Северной Америки. Произошла порча аппарата, излучавшего заградительные лучи.

Воспользовавшись этим, негр бросился в океан, долго плыл, пока его не подобрала какая-то рыбацкая лодка, и наконец достиг наших берегов. Он сказал, что, несмотря на все жестокости, на неслыханное подавление рабочих, в Америке идёт подпольная революционная работа. Революционеры проникли даже в береговую охрану. Нам удалось завязать с ними сношения. Мы узнали, что Америка, опасаясь нашей помощи их революционерам, замышляет истребить нас. Убедившись, что их лучи безвредны для нас, американские капиталисты решили отправить к нам шпионов, перебросив их неизвестным нам способом через наши воздушные заграждения, узнать наши военные силы и средства, а затем переправить сюда тем же путём своих агентов с истребительными лучами, чтобы уничтожить на месте «очаг революции».

— Европа и Азия — хороший «очаг»!

— Да, уничтожить большую половину мира. Перед этим они не остановятся! Но мы тоже не сидим сложа руки. Ли близок к разрешению задачи — найти орудие, пробивающее все заградительные средства американцев.

— Но ведь Ли астроном?

— Астроном, инженер, художник, шахматист — всё что хотите. И во всех областях он — первоклассная величина. Дни он отдаёт своим инженерным занятиям, а ночами работает с Туном.

— И не устаёт?

— Ли — по крайней мере; наша молодёжь не знает усталости. Ведь вам не хочется спать?

— Я чувствую себя прекрасно.

— Ну, вот видите. Так вот, мы получили сведения, что один из шпионов послан к нам. В это самое время появились вы. Теперь вы поймёте нашу предосторожность в отношении вас?

— Разве я похож на американского шпиона? — полувозмущённо, полунедоумевающе спросил я.

Эль пожал плечами.

— Изобретательность врага беспредельна. Плохой тот шпион, при взгляде на которого каждый ребёнок скажет: «Это шпион». Вы не обижайтесь. Я верю вам. Но всё же некоторое время мы ещё должны будем заняться вашей личностью. Положение слишком серьёзно. Не беспокойтесь, вы будете пользоваться свободой.

— Оставаясь в то же время под надзором?

— Просто при вас будет чичероне, иначе вам некого будет забрасывать вопросами. Иногда я буду сопровождать вас, если вы ничего не имеете против. Кстати, сегодня я смогу побывать с вами в «стране воспоминаний».

— Охотно, — ответил я, уже не решаясь надоедать ему новыми вопросами: что это за «страна воспоминаний»?

— Вы должны изучить наш язык, вы видите, насколько я доверяю вам. Изучайте же скорее.

— С большим удовольствием, хотя, признаться, я не имею особых лингвистических способностей.

— У вас это не займёт много времени. Вот, смотрите, — Эль опять включил экран. На нём начали появляться изображения предметов и одновременно звучало их название, а над изображением появлялась надпись. На экране в продолжение минуты промелькнуло, по крайней мере, полсотни предметов-слов.

— А ну-ка повторите их.

К моему изумлению, я повторил их без всякого труда.

— Поверьте, что вы больше не забудете их. К утру вы прекрасно овладеете языком.

— Я не узнаю своей памяти! — воскликнул я.

— У нас есть маленький секрет, который помогает памяти. Вы не просто видите предметы и их словесное изображение и слышите произношение. Все эти зрительные и слуховые явления сопровождаются излучением особых радиоволн.

— Опять радио!

— Недаром же наш город называется Радиополис. Вы ещё не раз услышите о радио. Так вот, эти радиоволны усиливают мозговое восприятие, глубоко запечатлевают в мозгу зрительные и слуховые впечатления — словом, ускоряют процесс запоминания. Только таким путём наше подрастающее поколение и имеет возможность вбирать в себя огромное количество современных знаний и быть глубоко просвещённым в самых различных областях.

— Но отвлечённые понятия?..

— Вы их увидите образно и усвоите их так же легко, как самые простые вещи.

Дверь открылась, и в комнату вошли Ли и Эа. Я с новым любопытством посмотрел на Ли. Инженер, астроном! Прямо невероятно. У нас в Москве так выглядят девушки из балетной студии.

На этот раз астроном выглядел озабоченным. Ли тихо шепнул Элю несколько слов.

Обратившись ко мне, Эль сказал:

— Важные новости: мы, кажется, напали на след нашего американца. Мы должны оставить вас. Займитесь пока изучением языка. Через два-три часа я зайду за вами.

И эти удивительные люди быстро удалились.

Глава четвёртая
В СТРАНЕ ВОСПОМИНАНИЙ

Было раннее утро, когда я вышел на площадку обсерватории. Наше воздушное жилище сияло в лучах восходящего солнца, как болид, а внизу Радиополис ещё тонул в синеватой предутренней мгле.

— Доброе утро! Как вы себя чувствуете? — услышал я около себя голос Эа. Она говорила на своём языке, но теперь я овладел им в совершенстве. Это не был эсперанто, как думал я вначале, хотя эсперанто был положен в основу нового международного языка, ещё более простого и звучного.

— Благодарю вас, прекрасно, — ответил я девушке. — Эль обещал сопровождать меня сегодня.

— Вот он летит, — ответила она, глядя в раскрывшуюся под нами бездну.

Я ещё ничего не видел.

— Скажите, как держится в воздухе это воздушное сооружение? — спросил я.

— Пропеллеры, помещённые под площадкой, держат его, а гироскопы придают полную горизонтальную устойчивость. Вполне капитальное сооружение. На всякий случай мы всё же держим здесь несколько парашютов.

— На одном из которых я и совершил своё невольное путешествие?

— И очень счастливо для первого раза, — улыбаясь, ответила Эа.

— Но ведь чтобы приводить в движение пропеллеры, нужны сильные моторы и для них целые склады горючего?..

— У нас энергия для всех двигателей передаётся по радио, — ответила Эа.

— Опять радио!

Внизу послышался лёгкий шум и голос Эля:

— Доброе утро! Надевайте скорее крылья, летим в страну воспоминаний!

Я надел принесённые мне Эа крылья. Эль осмотрел широкие ремни, крестообразно стянутые на моей груди, и сделал указания, как

управлять этим необычно простым по конструкции летательным аппаратом.

— Попробуйте подняться и опуститься на площадке, — сказал он.

Не без волнения повернул я рычажок у моего бедра. Суставчатые крылышки, как у летучей мыши, затрепетали у меня за спиной, и я почувствовал, что почва уходит из-под ног. Инстинктивно я расставил руки и ноги, как бы готовясь упасть на четвереньки. Вид мой, вероятно, был очень смешон, я слышал заглушённый смех Эа.

— Держитесь прямей! — командовал Эль. — Правый рычаг. Поворот. Больше. Так. Отдача. Левый рычаг назад.

Я плавно опустился.

— Хорошо. Можем лететь.

Я и Эль подошли к краю площадки, вспрыгнули на ограду и… бросились вниз. Это было моё третье воздушное путешествие в Радиополисе, которое оставило во мне самое сильное впечатление. Мне приходилось когда-то летать на аэропланах. Но разве можно сравнить ту громоздкую, грохочущую машину моего времени с этими крыльями, которых почти не ощущаешь! Впервые я почувствовал себя летающим человеком, лёгким и свободным, как птица.

Несколько секунд полёта — и мы оставили освещённое солнцем пространство, погрузившись в синие сумерки.

Эль летел рядом, несколько впереди, направляя свой полёт к Кремлю.

Скоро под нами показался уже знакомый мне фонтан в кипарисовой роще.

Наши крылья так незначительно шумели, что мы могли свободно разговаривать.

— Эти кипарисы, — указал я на рощу, — выставлены на лето из оранжереи?

— Нет, они свободно растут здесь. Мы изменили климат. Чему же вы удивляетесь? Мы могли достигнуть этого разными способами, но для этого оказалось достаточно и одной лучистой энергии солнца. Вы знаете, что на пространстве в один квадратный километр эта энергия, использованная только на десять процентов, сможет произвести работу, равную семидесяти пяти тысячам миллионов лошадиных сил. Мы же получаем в одном Туркестане тысячи миллионов лошадиных

сил этой энергии: вполне достаточное количество, чтобы не только «согреваться», но приводить в действие все наши машины.

Башни Кремля промелькнули под нами. Мы опустились на тихую снежную площадь и сложили крылья. Здесь было раннее зимнее утро.

— Мы реставрировали прошлое век за веком. Вся старая Москва — ваша Москва — превращена в музей, — сказал Эль. — Перелетая из квартала в квартал, вы будете как бы перелетать из века в век. Перед вами пройдёт всё характерное для данного времени, от архитектуры до мелочей быта.

Эль был прав: мы действительно перелетали из века век.

— Зайдём в один из комиссариатов. Не всё же вам спрашивать у меня, я тоже хочу кое о чём спросить у вас, как у современника этой эпохи, пополнить свои исторические знания, — сказал он улыбаясь. — Вы где служили?

Я ответил…

Мы вошли в знакомое здание. Меня невольно охватило волнение. Всё осталось по-прежнему. Не чудо ли? Даже мой письменный стол и на нём папки дел — всё, как я оставил их вчера, если только это было вчера.

— Не будете ли вы любезны объяснить мне, чем вы занимались, в чём заключалась ваша работа?

Я был польщён. Наконец-то я смогу дать объяснения этому человеку неограниченных знаний. Я охотно раскрыл свои папки и начал объяснять, в чём заключалась моя работа. Эль слушал внимательно. Иногда мне казалось, что он хочет поправить меня, но, очевидно, я ошибался: он только не совсем понимал меня и просил пояснений.

— Достаточно, — наконец сказал он. — Я окончательно убедился, что вы, как это ни странно, человек из прошлого. Никто лучше меня не знает прошлой истории. А вы проявили — в своей области, конечно, — такие знания, что всякая мысль о мистификации исключается.

Я не сразу понял его.

— Мысль о мистификации?.. — И вдруг, поняв, я невольно покраснел от досады.

— Значит, всё это было только испытание?

Эль дружески взял меня за руку.

— Уверяю вас, последнее, — ответил он. — А теперь, чтобы сгладить неприятное впечатление, которое, я вижу, оставила моя хитрость поневоле, осмотрим бегло другие отделы нашего музея. Для нас они также только страна воспоминаний, а для вас — это страна нерожденного будущего.

И вдруг, без видимой связи, он сказал:

— Да, да. Я очень рад. Только машина? Интересно посмотреть. — Вслед за тем, обращаясь ко мне, разъяснил: — Ли сообщает, что он нашёл разбитую летательную машину, зарытую в песке недалеко от Красного моря.

— Но ведь оно находится за тысячи вёрст!

— Для нас почти не существуют расстояния, — ответил Эль. Вынув из кармана прибор, напоминавший цейсовский бинокль, он покрутил окуляры, глядя на деления с цифрами, и посмотрел, потом передал его мне.

Я увидел песчаный берег моря. Из груды песка виднелись части какого-то сломанного аппарата. Рядом стоял Ли и смотрел в такой же бинокль по направлению ко мне. Очевидно, увидев меня, Ли улыбнулся и приветливо махнул рукой. Я ответил ему.

— Я уже не удивляюсь дальности расстояния ваших биноклей. Но как они могут видеть сквозь стены и только то, что нужно?

— Вы видите то, что нужно, при помощи точной наводки. А видеть сквозь преграду? Разве это уж так удивительно для вас, знакомых с лучами Рентгена?

— Но они не совсем то.

— Новое всегда не совсем то, что старое, тем оно и отличается от старого, — с улыбкой ответил Эль. — Летим! — И мы полетели осматривать новую для меня Москву.

— Поднимаемся выше. Вот этот участок — Москва второй половины двадцатого века. Наряду с многоэтажными небоскрёбами вы видите и те дома, которые стояли в ваше время. Здесь уже имеется целая сеть подземных железных дорог и начата постройка воздушной. Москва к этому времени давно вышла из старых границ и широко разлилась во все стороны. В начале двадцать первого века мы строили небоскрёбы, но уже отделённые друг от друга большими незастроенными участками. Смотрите.

Странный вид представляла эта новая Москва. На огромном пространстве возвышались симметрично расположенные, словно верстовые столбы, небоскрёбы в несколько десятков этажей с плоскими крышами.

— Для посадки воздушных судов, — пояснил Эль.

— Нельзя сказать, чтобы этот город выглядел очень красивым, — невольно сказал я, глядя на унылую площадь, утыканную домами-столбами.

— Зато он более гигиеничен, чем ваши скученные старые города. Когда мы начали строить Москву небоскрёбов, у нас было много споров о том, строить ли эти особняки или приступить к постройкам городов-домов, где многомиллионное население могло бы буквально жить под одной крышей. Спор начали наши врачи-гигиенисты, которые предостерегали от увлечения урбанизмом, предрекая физическое вырождение населения в слишком искусственных условиях жизни этих городов-домов. Но мы ещё не были настолько богаты, чтобы покончить с городами. Эти особняки-небоскрёбы были компромиссом.

— Покончить с городами?

— Да, и мы покончили с ними. Ведь в конце концов скученность населения вызывается не только недостатком земельной площади, как было в Нью-Йорке двадцатого века, но и относительной дешевизной «жилищной концентрации», а также несовершенствами способов общения.

Радиополис — только старое название, оставшееся за районом. У нас нет больше городов. Если вы пролетите от Москвы к Ленинграду, вы найдёте сплошные сады, поля и раскиданные среди них белые домики, но городов ни там, ни в другом месте не найдёте.

— Но ведь вы непроизводительно заняли огромную земельную площадь, которая могла бы пойти под посевы!

— Вы не представляете успехов нашей агрикультуры. На квадратном метре мы добываем продуктов питания больше, чем вы добывали на своей де… десятине. Кстати, откуда произошло это слово? Корень, по-видимому, «десять»?

— Не знаю, — смущённо ответил я.

Эль улыбнулся.

— Кроме того, мы изготовляем пищу химическим путём. У нас и сейчас парков и цветников больше, чем полей. Да, многое изменилось за эти годы. Мы не имеем городов, мы не имеем правительства, мы не имеем канцелярий. Необходимая в своё время категория «совработников» давно вымерла, как вымерли лошади. Несколько лошадей, между прочим, вы ещё можете увидеть в нашем зоопарке, а совработники остались только в виде музейных манекенов. Они, впрочем, очень похожи на оригинал.

Для меня это была поистине самая большая сенсация за всё пребывание в Радиополисе. Нет канцелярий, нет совработников! Это уж слишком. Не шутит ли Эль? Как же можно обойтись без совработников?

— Но не сами же собой пишутся бумаги? — с насмешкой, не лишённой горечи, сказал я.

— Друг мой, у нас совсем не «пишутся» бумаги. Я вижу, вы не можете освоиться сразу со всеми этими переменами.

Мы плавно опустились на зелёную лужайку. Среди этой лужайки, на песчаном круге, стоял сигарообразный серый предмет, напоминающий цеппелин, но значительно меньших размеров.

Около цеппелина стояла Эа. Она ещё издали махнула рукой Элю и крикнула:

— Скорее, надо спешить.

Я и Эль, не снимая крыльев, вошли в цеппелин. Эа последовала за нами и плотно захлопнула толстую дверь. Вспыхнул яркий свет, осветив мягкие кресла, стол, экран в углу.

— Это наша «Пушка», самый скорострельный летательный аппарат.

Эа прошла вперёд, за лакированную перегородку. Оттуда послышалось гуденье, и я почувствовал, как поднялась передняя часть нашего воздушного судна.

— Летим, — сказал Эль.

— Почему здесь нет окон?

— Они не нужны: скорость и высота полёта так велики, что вы всё равно ничего не увидите.

Куда ещё лечу я? Что ждёт меня впереди?..

Глава пятая
НА БЕРЕГУ КРАСНОГО МОРЯ

Мы мчались на нашем воздушном снаряде, который был одновременно и пушкой, и ядром. За перегородкой что-то тихо жужжало.

— Скажите, Эль, почему вы, Эа и Ли занимаетесь розысками? Наводили «следствие» обо мне, теперь гоняетесь по свету за этим американским шпионом. Или вы совмещаете…

— Должность учёного с почётным званием сыщика? — спросил Эль. И, вздохнув, продолжал: — Я вижу, что вам трудно привыкнуть к нашему общественному устройству. Я же говорил вам, что у нас нет милиции в обычном для вас смысле слова. Но если хотите, у нас каждый гражданин — милиционер или следователь, если этого потребуют обстоятельства. Каждый наш гражданин, без инструкций и кодексов, знает, как охранять интересы общества. И если случай именно его привёл столкнуться с фактом, угрожающим нашему порядку и спокойствию, этот гражданин и доводит дело до конца.

— Но у него есть и другие обязанности?

— Что же из этого? У следователя тоже не одно дело бывает на руках. Обязательный общественный труд занимает у нас около трёх часов. Есть время заняться — хотя бы и поисками американского шпиона.

— Вы сказали, что обязательный труд у вас занимает около трёх часов. Почему вы не указали точной нормы?

— По кодексу о труде? — с улыбкой спросил Эль. — У нас нет точной нормы, нет и самого кодекса. Если дело этого требует — работаем! И больше трёх часов. Но это бывает только в исключительных случаях: какие-нибудь случайные аварии, стихийные бедствия. Обычный же наш труд «у станка» не превышает трёх часов.

— А остальное время?

— Каждый занимается тем, чем он желает. Главное и почти исключительное наше занятие — мы учимся, учимся и учимся. Непрерывно пополняем свои знания, изобретаем.

— Ну а если кто не хочет работать даже три часа в сутки? Какие принудительные меры вы принимаете против лентяев?

Эль посмотрел на меня с крайним изумлением.

— Простите, но на этот раз я отказываюсь понимать вас, — сказал он. — Разве нужно заставлять рыбу плавать, а птицу летать? Ведь это их жизненная функция. Такой же жизненной функцией, непреодолимой потребностью является для нас труд.

— Но труд может быть неприятен, например тяжёлый физический труд.

— Физический труд выполняют наши рабы.

Я даже привскочил на кресле.

— Рабы? У вас есть рабство?

— Ну да, что же вас так удивляет? Порабощённые силы природы, машины — вот наши рабы. А все мы, свободные граждане, работаем не только из сознания общественной пользы — это азбука, о которой мы уже забыли, — но и потому, что труд давно сделался для нас второй натурой.

— Что это? Свет погас?!

— Не беспокойтесь, я хочу посмотреть на карту, — сказал Эль.

Перед ним вспыхнул бедным светом квадрат, на котором обрисовались очертание какого-то моря.

— Эта карта движется?

— Да, она движется, потому что мы летим. Наша карта — сама земля. Вот очертания… как это вы называли?.. Азовского моря, вот Чёрное. Мы пролетаем его.

— Уже! Так скоро…

— Турция. Скоро мы увидим Красное море.

— Но как же можете обходиться вы совсем без карты?

— Эа направляет наш воздушный корабль по радиокомпасу. Ли посылает радиоволну, а мы летим в этом направлении, как бабочки на огонёк. Ошибки быть не может. Впрочем, мы можем, если нужно, справиться по карте и магнитному компасу…

И, нагнувшись над картой, Эль сказал:

— Двадцатый градус северной широты и сороковой — восточной долготы. Мы в окрестностях Мекки. Скоро будем на месте.

Ещё несколько минут полёта, и мы плавно опустились.

Эа открыла дверь нашего снаряда, и мы вышли.

Ли приветствовал нас.

— Вот, полюбуйтесь, — сказал он, указывая на обломки.

На самом берегу моря в буром песке лежали эти обломки воздушного корабля, обугленные и настолько искалеченные, что нельзя было определить его конструкцию. Нос корабля, вероятно, не меньше чем на три метра зарылся в песок, образовав в нём широкую воронку.

— Сами посудите: можно ли было спастись при такой катастрофе? Американский шпион погиб, на этот раз мы можем быть спокойны и не продолжать наших поисков, — сказал Ли.

— Да, конечно, — ответил Эль и, взобравшись на воронку, начал обходить её, внимательно осматривая. Потом он вдруг сел на песок, вздохнул и поправил на голове белый шлём.

— Ли, вы делали себе глазную операцию?

Ли почему-то смутился.

Эль укоризненно покачал головой.

— Хорошие глаза, Ли, нужны не только вам лично. Наш Союз трудящихся должен иметь зоркие глаза. Почему вы не сделали операции?

Обратившись ко мне, Эль продолжал:

— Мы, люди будущего, стоим неизмеримо выше наших предков в умственном отношении. Но физическая природа наша, увы, кое-что потеряла в новых условиях культуры. Мы всё более теряем волосы. Эа, сними свой головной убор…

Эа, улыбаясь, сняла колпачок и без смущения показала свою голову, на которой не было ни единого волоса.

— Вот видите, — продолжал Эль. — Представление о красоте изменилось. Мы находим прекрасной безволосую голову женщины и пришли бы в ужас от волосатого чудовища, похожего своей гривой на животное. Вы уж не обижайтесь, — прищурился он, глядя на меня. — Вам тоже лучше снять волосы, чтобы не привлекать к себе излишнего внимания. Мы займёмся потом вашим туалетом. Так вот, волосы… Потом зубы. Вы уже знаете, что мы не едим твёрдой пищи. Нам не нужны зубы. Естественно, что они без работы становятся всё более слабыми. Через несколько поколений люди станут совершенно беззубыми и нижняя челюсть превратится в маленький придаток.

— И это тоже будет красиво?

— Для своего времени, конечно.

— Представляю, — сказал я, улыбаясь, — что какой-нибудь Пракситель, гениальный скульптор будущего, высечет из мрамора статую, воплощающую идеал женской красоты…

— Она будет иметь огромную голову без волос, маленький подбородок, рот без зубов, почти мужское телосложение, очень тонкие ноги и руки, пальцы без ногтей.

— Какое безобразие! — невольно воскликнул я.

— Если бы горилла мог говорить, то при взгляде на статую Венеры Медицейской он, вероятно, так же воскликнул бы: «Какое безобразие!» и перевёл бы влюблённый и восхищённый взгляд на свою четверорукую, мордастую, косматую спутницу жизни, — ответил Эль. — Всё условно в этом мире, мой друг. Изменяются звёзды на небе, изменяются земли, изменяется человек, изменяются его понятия о прекрасном. Мы теряем то, что нам перестаёт быть нужным. Мы хуже слышим, чем вы, а вы — гораздо хуже, чем наши предки каменного века, и это понятно: нас уже не подстерегает хищник за каждым кустом.

— К сожалению, в мире остались ещё двуногие хищники, — задумчиво сказала Эа, — они страшнее четвероногих. И, быть может, вот это… — Эа показала на обломки машины.

— Да, вот это, — перебил её Эль. — Я не случайно спросил у Ли, сделал ли он глазную операцию. Мы все близоруки. Дальнозоркость не нужна была человеку города. Его взгляд вечно упирался в стены. Мы живём свободнее. Наши горизонты шире. Мы стали существами летучими. Зоркое зрение нам опять сделалось нужным. А в природе так: если орган нужен, если он начинает усиленно работать, он развивается усиленно. И, я думаю, наши потомки, которые, быть может, в воздухе будут жить больше, чем на земле, вновь обретут зоркость орлов. Но мы унаследовали от вас, людей с ограниченным кругозором города, близорукость. И боремся с ней. Ваши очки не удовлетворяют нас. С ними много хлопот, они могут разбиться. И мы просто оперируем глаза, вправляя новый хрусталик. Вот Ли почему-то не хочет делать операцию, хотя она безболезненна и занимает всего несколько минут.

— Завтра же сделаю, хотя бы только для того, чтобы доставить вам удовольствие.

— Благодарю вас, Ли, — ответил Эль. — Сделайте и для того и для другого. Подойди сюда, Эа, что ты видишь?

Девушка взошла на насыпь вокруг упавшего снаряда и посмотрела вокруг. Она задумалась, очевидно что-то ища, что привлекло внимание Эля.

— Я вижу, что от центра воронки к краю и дальше идут углубления, которые… гм… пожалуй, можно принять за следы.

— Следы? — спросил Ли. — Неужели?

— Ходил ли здесь кто-нибудь? — спросил Эль.

— Нет, место совершенно пустынное. На насыпь никто не поднимался.

— А вы?

— Я всходил только вот с этой стороны.

Эль прошёл по песку.

— Вот видите, — сказал он, — песок очень зыбкий. Он осыпается и не даёт отчётливых следов. Если же помешать песок вот так концом ноги, то получаются совершенно такие же впадины.

— Что же вы предполагаете? — спросил смущённо Ли.

— Я предполагаю, мой милый, но близорукий друг, — ответил Эль, — что наш американский шпион здравствует.

— Но не мог же он уцелеть в этой катастрофе?! Или его кости прочнее дюралюминия, а тело и в огне не горит? — уже несколько обидчиво сказал Ли.

— А кто вам сказал, что здесь произошла катастрофа? — возразил Эль. — Всё могло произойти очень просто. Мистер шпион благополучно опустился на своём аппарате, вылез, потом взорвал его.

— Но как же он тогда вернётся восвояси?

— Он или они могли прилететь на двух воздушных судах и пожертвовать одним, чтобы замести следы.

— А другой корабль?

— Другой может быть в другом месте. Однако продолжим наш осмотр.

Мы пошли по следам, внимательно разглядывая их. Следы шли в сторону по песчаной равнине и в нескольких метрах пропадали. На этом месте в песке было небольшое углубление.

— Провалился сквозь землю? — улыбаясь, спросил я.

— Наоборот, поднялся от земли на крыльях. Положение осложняется! Местные жители лучше нас знают окрестности. Надо предупредить их, — сказал Эль.

— У меня в Мекке есть приятель шахматист, вызвать его? — предложил Ли.

— Отлично, — ответил Эль.

Сложенные крылья были у нас за спиной. Мы повернули рычаги у пояса, крылья затрепетали, и земля начала уходить из-под наших ног.

— Здесь когда-то была бесплодная долина, — указывал Эль вниз на расстилавшиеся сплошные сады, перерезанные прямыми серебряными линиями каналов. Среди садов виднелись белые крыши домов, стоявших далеко друг от друга.

— Если вы ожидаете увидеть арабский город, с его базарами, лавками, кофейнями, верблюдами и грязью, вы будете разочарованы. Города давно нет. Я уже говорил вам, что у нас нет городов.

— А вот летит и Вади, мой друг, я вызвал его, — сказал Ли, указывая на приближающегося человека с крыльями.

Скоро он был с нами. Мы с любопытством осмотрели друг друга. И, конечно, Вади был больше удивлён моей наружностью, чем я его. Он почти ничем не отличался от моих спутников, только одежда его была из белой ткани да лицо несколько более смуглое. Я же, в своём тяжёлом костюме от «Москвошвея», с очками на носу и крыльями за спиной, вероятно, имел очень комичный вид. Мне было необычайно жарко, воротник рубашки измялся, волосы растрепались.

— Человек из прошлого, рекомендую, — сказал Эль.

— Вы знаете о прибытии американских шпионов?

— Ли говорил мне.

— Они опустились недалеко отсюда и, по-видимому, улетели. Их надо разыскать во что бы то ни стало.

Вади кивнул головой.

— Сообщите по радио по всей Аравии. Ищите везде. Мобилизуйте молодёжь — у ребят острый глаз. Обыщите каждую складку гор, каждый куст.

Вади ещё раз кивнул головой, глядя в небо. Вдруг он схватил Эля за руку.

— Смотрите, Эль, этот воздушный корабль мне не нравится.

Все устремили взоры на небо.

— Да, это не наша конструкция. Дайте сигнал тревоги, — сказал Эль.

Неизвестный воздушный корабль, вычертив в небе полукруг, скрылся за горизонтом. Вади что-то сказал в кулак, и через минуту поднявшиеся, как испуганная стая птиц, от земли аэропланы полетели вслед за улетевшим воздушным кораблём.

— Скорее, к нашей «Пушке»! — крикнул Эль.

Обливаясь потом в жгучих лучах аравийского солнца, я полетел за моими спутниками к берегу моря.

Глава шестая
БЕЛЫЙ ДОМИК

В тот вечер американской воздушной лодке удалось ускользнуть от преследования, пользуясь быстро наступившей темнотой.

— Ну что ж, приходится отложить поиски. Наши товарищи-арабы будут следить за неприятелем. А мы летим на север, в Радиополис. — И, посмотрев на часы, Эль продолжал: — Я должен читать лекцию по радио. Однако вас надо устроить на постоянное жительство, — обратился он ко мне.

— Летим ко мне, — предложил Ли. — Я живу 56-30-28 на 45-6-2.

— Это что же, такое длинное название улицы?

— Совсем нет, так мы называем кратко градусы, минуты и секунды географической долготы и широты. Ведь у нас нет городов, поэтому нам приходится давать такие адреса.

— Где же это будет?

— Примерно в тех местах, где был ваш Нижний Новгород, на Волге. Хорошее место, — сказал Эль.

Мы полетели на наших крыльях к общественным ангарам и взяли там небольшую воздушную лодку, на которой и поднялись в воздушную высь.

Тёмное южное ночное небо было исполосовано светящимися дорогами, отмечавшими путь воздушных сверхмагистралей.

Огромные суда беспрерывно скользили по воздушным волнам этих светящихся рек.

— Куда движутся эти воздушные великаны и где конечные пункты их маршрутов?

— Они движутся по кольцевым линиям, как небесные тела, и нигде не останавливаются. Каждый из этих воздушных дредноутов имеет свою линию. Нам надо вот на ту, — указал Ли на вторую из пересекающихся линий.

— Чем больше кольцо полёта, тем выше его воздушная линия. Видите, как это удобно — в воздухе целая беседка из перекрещивающихся воздушных путей!

Мы ловко причалили к несколько замедлившему движение кораблю. Вместо обычной (две тысячи километров в час) его скорость снизилась до пятисот в час, пока мы догоняли его.

Нашу лодку вместе с нами ввели внутрь сигарообразного корабля. Будто акула воздушного океана проглотила малую рыбёшку.

По прибытии на место нашу лодку сбросили вниз. На этой лодке мы добрались до аэродрома, оставили её там, а сами на «собственных» крыльях за спиною полетели к дому Ли.

Эль и Эа распрощались с нами и полетели в другую сторону.

— Вам пришлось лететь с пересадками. Это неудобство приходится терпеть только на больших расстояниях. В Радиополис же я летаю на своём аэробиле.

— Столкновении не бывает?

— Исключена всякая возможность. При встрече наши воздушные суда автоматически отклоняются в сторону под воздействием радиоволны.

— Вот мы и дома, — сказал Ли, опускаясь на площадку у белого домика со сплошным окном-стеною на юг.

Как только Ли ступил на площадку, над нею загорелась матовая лампочка. В доме также появился свет.

— Вас ждут?

— Нет, свет зажигается автоматически, как только я опускаюсь на землю. Нам нужно умыться и переодеться с дороги. Я вас проведу сначала в ванную комнату.

Обойдя дом, Ли открыл дверь.

— Прошу вас.

Я вошёл в очень маленькую комнату-коробку, в которой было не больше четырёх квадратных метров. Голые стены, никакой обстановки, только небольшой шкаф в углу.

«Нельзя сказать, чтоб эта передняя была уютна», — подумал я.

Ли очень плотно закрыл за собой дверь, подошёл к шкафу и вынул оттуда две противогазовые маски. Подавая одну из них мне, он сказал:

— Во избежание появления эпидемий, — хотя у нас о них не слышно, — каждый из нас, вернувшись из далёкого путешествия, считает своим долгом подвергнуться дезинфекции. Увы, наш организм не приспособлен к борьбе с болезнями в такой мере, как это было у наших предков, и поэтому мы всё внимание сосредоточиваем на

предупреждении болезней. Насморк укладывает нас в постель. Что же делать? Надо беречься.

Он надел маску на лицо, приглашая меня последовать его примеру. Потом повернул маленький кран, вделанный в тот же шкаф, где хранились маски, и комната вдруг наполнилась белым, как молоко, газом. Через три минуты так же быстро воздух очистился. Ли зажёг какую-то металлическую спичку. Она вспыхнула голубым огнём. Он кивнул головой и снял маску.

— Осталось газа ровно столько, чтобы продезинфицировать наши дыхательные пути. Теперь идём в ванную.

Он открыл дверь, и я был поражён. Белая ванная комната, вся залитая каким-то особенным золотистым светом, была слишком огромной для частной квартиры. Посредине этой комнаты находился такой большой мраморный бассейн, что в нём можно было свободно плавать. По обеим сторонам бассейна шёл двойной ряд белых колонн, а среди них стояли цветущие растения. В одной стороне комнаты находилась чёрная эбонитовая площадка с креслом, и над ним что-то вроде зонтика без материи. Возле кресла стоял шкаф.

— Садитесь, — сказал Ли и, взглянув на меня, продолжал: — Да, вам обязательно надо побриться и расстаться с вашей шевелюрой. Гм, у нас нет парикмахеров — ведь у нас волосы просто не растут, нет ножниц и бритв. Положим, бритву можно было бы достать из музея. Но ведь это целая операция. Можно порезаться. Кровь, заражение крови, брр… Лучше я вам вызову продукт для уничтожения волос.

«„Вызову продукт для уничтожения волос“, что за странное выражение», — подумал я.

Ли подошёл к распределительной доске, скрытой цветами, и, что-то сказав, нажал несколько кнопок. Не прошло и минуты, как в стене открылась не замеченная мною раньше дверца. Там стояло нечто вроде пульверизатора.

— Откуда это? — спросил я.

— Прислали со склада по автоматической трубе.

Взяв в руки пульверизатор и обернув меня простынёй, он спросил:

— Позвольте?

— Пожалуйста, — покорно ответил я и зажмурился, ожидая, что меня начнут спрыскивать. Но Ли только овеял меня какою-то пряно

пахнущей струёй воздуха. И этого оказалось достаточно, чтобы мои волосы упали с головы как подрезанные, а лицо приобрело гладко выбритый вид.

Ли остался доволен своей работой.

— Отлично. С волосами вы разделались на всю жизнь и, право же, так выглядите гораздо лучше.

Посмотрев на лежащие вокруг меня на полу волосы, Ли вздрогнул всем телом и даже побледнел.

— Волосы вообще ужасны, но мёртвые волосы ещё ужасней. Простите меня, но я не могу заставить себя убрать их. Может быть, вызвать щипцы, щётки?

— Только щётку.

— Здесь пол моется автоматически, — как бы оправдывался Ли. — Но волосы, они… они могут засорить трубы. Их лучше сжечь. Знаете что, мы сожжём и ваш отвратительный костюм.

— Что? Сжечь костюм? Нет, благодарю вас!

— Но зачем он вам? Я вам вызову прекрасный костюм нашего покроя.

Рядом со мной оказалась ещё одна дверь. Ли открыл её и сказал:

— В этой небольшой комнате находится мусоросжигательная печь. Я вас очень прошу бросить в печь волосы, костюм и…

— Знаете что, ведь мы его дезинфицировали, убили всех микробов двадцатого века, оставим же его как музейный предмет, — схитрил я, желая спасти свой костюм от огня этого домашнего крематория.

— Ну что же, я согласен. Дайте, я сниму с вас мерку. Ваш костюм будет цел, но вы всё-таки наденете другой. Вот так. Вы значительно выше меня. Какой цвет вы предпочитаете?

«Хорош бы я был в голубеньком, чёрт возьми», — подумал я.

— Чёрный, серый, в крайнем случае, оливковый.

— Хорошо. Я вызову костюм. А пока раздевайтесь и поплавайте в бассейне. Бельё бросьте в этот люк в полу.

Ли вышел.

Я разделся и начал спускаться по белым ступенькам к воде. Но едва пальцы моей ноги коснулись воды, я вскрикнул от неожиданности, почувствовав уколы тысячи иголок.

— Простите, — услышал я голос Ли около себя, хотя его не было в комнате, — я забыл предупредить вас — вода электризована. Мы не можем обойтись без этого, электричество — это массаж для наших нервов. Я сейчас уменьшу ток.

Ли вошёл, повернул рычаг, разделся и бросился в воду.

Поплавав и поныряв, мы вышли. Купанье в электрической воде чудодейственно освежило меня.

— Теперь ещё одна электризация, — сказал Ли. — Сядьте на этот стул.

Я покорно уселся на стул, стоявший на чёрной эбонитовой площадке. И вдруг с концов прутьев «зонта» заструились потоки бледно-лилового света.

— Электрический душ. Хорошо?

— Да… да… о-очень хорошо, — сказал я, чувствуя себя как преступник, приговорённый к смерти на «электрическом стуле». Однако всё обошлось благополучно.

— Теперь вот сюда, — продолжал Ли распоряжаться мною, — пройдите к этому шкафу. Это, так сказать, автоматический доктор-контролёр. Дайте вашу руку. Так. Это сюда.

Ли приложил к моему пульсу и сердцу пластинки, прикреплённые к шнурам, и погасил свет. На экране появилась светящаяся кривая линия, она отмечала удары моего сердца.

— Да, сердце у вас немного не в порядке, — сказал Ли. — Посмотрим желудок, лёгкие.

На экране появилось изображение моих внутренних органов.

— Лёгкие в порядке. Но желудок сильно сокращается. Очевидно, на одном химическом питании пилюлями вам трудно существовать, — организм ещё не привык. Я закажу вам что-нибудь вроде каши и мусса. У нас также не все ещё перешли на пилюли. Есть любители более «существенной» пищи, хотя все эти блюда очень лёгкие и полужидкие.

Ли зажёг огонь.

Я вздохнул, вспомнив о хорошем куске мяса. Но об этом не приходилось и мечтать. Не убьют же они ради меня последнюю корову зоологического сада?

— Ну что ж, у вас всё относительно в порядке. А я приму электромассаж.

Ли, улёгшись на длинной скамье, нажал кнопку, и вдруг из-под скамьи вылезли какие-то руки-стержни, оканчивающиеся шарами, ручками, лопаточками. Все эти «руки» накинулись на тело Ли и стали мять его, тереть, пошлёпывать, барабанить, гладить.

Со стороны казалось, что Ли попал в лапы какого-то страшного паукообразного насекомого. Хорошо, что Ли избавил меня хоть от этого удовольствия. Я бы, наверное, заорал от страха, переломал суставы этих металлических лап и свалился со скамьи.

Но Ли чувствовал себя превосходно, переворачивался с боку на бок и повторял:

— Хорошо, отлично!

Наконец эта экзекуция кончилась. Ли быстро поднялся и оделся в чистую голубую тунику.

— А вот вам, — сказал он, подавая мне такую же тунику из серебристой ткани.

Я оделся. И когда посмотрел в большое зеркало, вделанное в стену, не узнал себя. У меня исчезли не только волосы на голове, но и брови. Костюм придавал мне самый странный вид. «Показаться бы на Кузнецком в таком виде», — подумал я.

— Теперь пять минут отдыха. Ложитесь на это плетёное кресло.

Мы легли. Свет опять погас. Вдруг стена против нас будто упала, открывая вид на берег моря. Луна зажигала изломы волн. Пальмы тихо качались. Я любовался зрелищем.

— Я люблю этот уголок Средиземного моря, — сказал Ли. — И часто вызываю его. Передача по радио, — добавил он. — Отдохнём, и я познакомлю вас с моей женой.

— Вы женаты?

— Да, идём.

Экран погас. Свет загорелся снова. Мы вышли из ванной.

Открыв смежную дверь, Ли сказал:

— Ин, вот человек из прошлого, с которым ты хотела познакомиться.

Я вошёл в комнату, которую принял за переднюю, и увидел жену Ли. Она стояла у противоположной стены. Радушно улыбнувшись мне, она сделала приветственный жест рукой.

Я направился к молодой красивой женщине, по привычке протягивая руку. Но она не поднимала своей руки, и я вспомнил, что у

этих новых людей рукопожатия не приняты. Я сделал ещё шаг и ударился головой о невидимую преграду. Женщина рассмеялась, но тотчас сдержала свой смех и обратилась к мужу:

— Ли, ты разве не предупредил нашего гостя?

— Я полагал, что он уже привык к нашим экранам, — сказал Ли.

Опять экран! Я был уверен, что вижу живую женщину, а не её изображение.

— Я пока оставлю вас, — сказала Ин, — через десять минут мы будем ужинать.

Экран погас. Когда комната осветилась обычным светом, я оглядел её и ещё раз поразился. Комната была втрое меньше ванной и совершенно лишена мебели. Голые стены без единого выступа, украшения. Неужели это единственная жилая комната?

Ли улыбнулся, заметив моё удивление.

— Ваше жилище очень скромно, — сказал я.

— Зато удобно и гигиенично.

Ли нажал ногой на одну шашку паркетного пола, и вдруг из пола поднялся круглый стол на круглой колонне и два стула.

— Садитесь, — сказал Ли.

Мы уселись.

— Спрашивайте, — с улыбкой предложил Ли.

Действительно, мне приходилось расспрашивать без конца.

— Эль говорил мне, — начал я, — что у вас нет правительства, нет служащих, нет чиновников. Но как же вы ведёте своё хозяйство? Вот вы вызвали мне костюм. Значит, должен же кто-то вести учёт.

— Учёт у нас поставлен образцово. Всё это теперь делается очень просто, механически. Я вызываю нужную вещь. Механически она подаётся из склада и присылается сюда по пневматической трубе. Одновременно счётчик отмечает отпуск этой вещи. Тот же автоматический счётчик подводит итоги. И к концу года мы знаем, какая у нас потребность в том или ином предмете, какой годовой прирост, сколько надо заготовить для будущего. У нас нет меняющихся мод, и некоторые запасы переходят из года в год. Так во всех предметах потребления, вплоть до летательных машин.

— Но должен же быть какой-нибудь контроль? Разве у вас совсем не бывает злоупотреблений?

Ли в недоумении поднял брови.

— Какие могут быть злоупотребления? Я вызову себе лишнюю воздушную лодку? Зачем она мне? Разве я могу полететь сразу на двух? Продать её я также никому не могу, во-первых, потому, что у нас нет денег, а во-вторых, потому, что каждый сам может взять, что ему нужно. По этой же причине нет никакого смысла красть или присваивать. У нас совсем нет преступлений этого рода. И не то что бы мы стали нравственней, а просто преступления потеряли всякую цель. Мы имеем всё, что нам надо. Вот вы сказали, что жилище очень скромно. Но что необходимо для здоровой жизни? Свет. Вы видите прекрасное освещение для ночи.

— Электричество?

— Нет, бактерии.

— Бактерии?!

— Да, светящиеся бактерии. И это окно во всю стену для солнца. У нас идеальная вентиляция и отопление, в котором, впрочем, нет особой нужды, так как мы отеплили весь климат наших широт. Что же ещё?

— Но культурные потребности: музыка, книги, картины?

— Вы ещё познакомитесь с нашим искусством, нашими культурными потребностями.

— Ещё один вопрос: где находится ваша жена?

— На южном Алтае. Врачи прописали ей горный воздух.

— Давно?

— Два года. Но ведь для нас не существуют расстояния. Мы часто навещаем друг друга, видимся и говорим так же часто, как если бы мы жили в одной комнате. Есть супруги, и очень любящие, которые постоянно живут на расстоянии тысячи километров и находят это удобным. Вообще вам надо понять одну вещь: никогда ещё — по крайней мере у нас в Европе, Азии и Африке — человечество не жило такой дружной, сплочённой семьёй, несмотря на то, что отдельные члены этой многомиллионной семьи физически в большей степени разбросаны, чем раньше. Мы находимся в постоянном общении. У меня есть друзья везде — от полюса до полюса, и я веду с ними непрерывные беседы. У нас часто бывают собрания, «съезды», где мы обсуждаем наши общественные дела. Но всё это мы делаем, если хотим, не выходя из комнаты.

Свет погас, экран засветился.

— Ну, вот и я, — сказала Ин.

Мне казалось, что она подошла к нашему столу и уселась в кресло рядом с мужем.

— Дети будут сегодня? — спросил Ли.

— Ко сказал мне, что он сторожит в Аравии, во что бы то ни стало хочет первым разыскать шпиона, а Цаль…

— Вот и я!.. — и к столу подошёл ещё один «призрак» — юноша, очень похожий на Ли.

«У него такие большие дети!» — подумал я.

— Сегодня мы будем пировать, — сказал Ли, познакомив меня с сыном. — Надо показать этому допотопному человеку, что и мы знаем толк в хорошем блюде и приятном напитке.

Глава седьмая
«ВСЁ ВИЖУ, ВСЁ СЛЫШУ, ВСЁ ЗНАЮ»

Ли нажал кнопку у края стола, и вдруг на столе появились два прибора и необычайно узкие, как химические колбы, высокие рюмки.

В тот же момент на столе жены инженера, Ин, также появились блюда, — она вызвала их.

Ли поднял рюмку и предложил мне посмотреть жидкость на свет. Рюмка казалась спектром. Жидкость была налита слоями, и каждый слой, не смешиваясь с другими, имел свою окраску.

— Пейте медленно, маленькими глотками. В этой жидкости нет ни капли алкоголя, но зато есть кое-что другое, безвредное и… вы сами узнаете.

Я по совету Ли стал пить очень медленно. Не могу передать моего ощущения. Это была какая-то вкусовая симфония. Вкус всё время менялся, и каждый глоток доставлял мне неизъяснимое наслаждение. Я почувствовал необычайную ясность мыслей и какую-то особую жизнерадостность.

— Это не искусственный подъём нервов, а очищение мозга от токсинов — продуктов отравления, — сказал Ли.

— Никогда ещё я не испытывал такого вкусового наслаждения, — сказал я.

— Вы ещё усилите его вот этим блюдом, — и Ли придвинул мне мусс.

— Вкусно? — спросила, улыбаясь, Ин.

— Изумительно, — ответил я.

Сын Ли с удовольствием смаковал такой же мусс на своём столе, на экране.

— Вы ещё учитесь? — спросил я юношу.

— Почему «ещё»? — ответил он вопросом.

— Потому, что вы молоды. Учитесь в какой-нибудь школе или университете, вот что я хотел сказать.

— В школе? В университете? — опять с недоумением спросил юноша.

«Неужели у Ли такой глупый сын?..» — подумал я. Но скоро мне пришлось убедиться, что я поспешил со своим выводом.

— Он не понимает вашу мысль потому, — вступился за сына Ли, как бы угадавший мою мысль, — что у нас нет школьного возраста и у нас нет школ.

Видя моё изумлённое лицо, Ли разъяснил мне:

— Ещё ваше время ставило себе задачей приблизить школу к жизни. На этом принципе вы строили свою трудовую школу. Нам удалось осуществить этот принцип, как говорится, на все сто процентов. Школа и жизнь слились у нас воедино или, если хотите, жизнь и практика стали нашей единственной школой.

— Но теория?

— Она изучается также, но это изучение не отрывается от жизни и практики.

Отпив из своей длинной рюмки, Ли продолжал:

— Надо вам сказать, что управление нашими машинами столь несложно, что даже подростки справляются с ними и делают это очень охотно. Даже стоя у «станка», они могут слушать лекции по радио.

— Опять радио!

— Да, именно радио уничтожило ту школу, какая была в ваше время, когда она, в большей или меньшей степени, отрывала от жизни. Радио учит нас от колыбели до крематория. Мы учимся всегда и всюду. Мы пополняем свои знания на работе, если она не требует особого внимания, и на прогулке, даже и во время воздушного путешествия. Мы слушаем лекции величайших учёных, мы присутствуем при опытах, мы следим за формулами, появляющимися на экране. Только там, где нужен непосредственный опыт, мы прибегаем к вещам — колбам, станкам, свёрлам. Но они всегда к нашим услугам — и в заводских лабораториях, а отчасти и на дому. Для химических опытов мы, например, всегда можем вызвать на дом всё нам необходимое.

— Вы, вероятно, ещё больше удивитесь, — сказала Ин, — если узнаете, что мы почти не читаем книг.

— Да, это верно, — подтвердил Ли. — Мы больше пользуемся звуковой передачей.

— Но как выделить из радиопередачи то, что вам нужно? Ведь у вас одновременно должны действовать сотни радиостанций?

— Каждая радиостанция действует на своей волне, а длина этих волн теперь различается не только метрами, но и сантиметрами и даже миллиметрами. Причём мы совершенно легко выделяем нужную станцию, если даже длина волны её отличается от волны другой станции всего в несколько миллиметров.

— И потом, — деловито заявил Цаль, — этих станций не так уж много, как вы предполагаете. Наша сеть радиостанций построена по системе поясного времени, или, иначе сказать, по градусам долготы, — одна станция на пятнадцать градусов, так как время отличается на час, считая на ваше время, через каждые пятнадцать градусов. Поэтому от западного берега Африки до восточного берега Азии у нас существует всего десять главных радиоустановок, которые и наполняют радиоволнами каждая свои пятнадцать градусов долготы от полюса до полюса. Есть, правда, ещё центральные радиостанции, их радиус действия охватывает всю нашу территорию. Но мы пользуемся ими только для связи с десятью поясными.

— Ты ещё не сказал о радиостанциях для передачи энергии, — добавил Ли, — но с ними я ещё познакомлю вас. Да, радио внесло огромные изменения во всю общественную жизнь, изменения, о которых вы, вероятно, не смели и мечтать. Радио упразднило необходимость физического скопища людей. Это было огромным гигиеническим достижением, и в то же время радио сблизило людей в общественном смысле. Радио уничтожило не только старую школу, но и старый театр, кино. У нас нет душных, переполненных публикой кино, театральных и концертных залов, аудиторий.

— Почему бы нам не познакомить сейчас нашего гостя с театром? — предложила Ин.

— Отлично, — согласился Ли, — для этого нам не нужно бежать за билетами и тащиться на ваших ужасных трамваях.

Вторая белая стена комнаты вдруг, как по волшебству, превратилась в сцену, если только то, что я видел, можно назвать сценой. Такого художественного богатства, такой обстановки, таких сценических и световых эффектов я не только никогда не видел, но и не предполагал, что они возможны. Мелодичная музыка сопровождала игру актёров. Это был новый род искусства. Речь переходила в пение,

и тогда казалось, что идёт опера. Жесты и движения были естественны, но так слиты с музыкальным фоном, что это можно было бы назвать каким-то новым балетом. Свет менял свою окраску вместе с мелодией и казался светящимися звуками. Это было какое-то синтетическое искусство.

Я сидел как очарованный и был огорчён, когда экран погас.

— Вот мы и побывали в театре, — сказал Ли. — Наши театры совсем не имеют зрительного зала. У них только огромная сцена и ещё большее помещение для декораций и машин. У нас только десять театров.

— По поясному времени?

— Да, тоже по поясному. Только десять трупп, но зато все они состоят из первоклассных артистов и художников. Как видите, искусство также стало достоянием всех, как наука… Неужели? Я слушаю. Восемь — Д, семь — Ц? Совершенно верно! — Обернувшись ко мне, Ли сказал: — Мой друг Вади, завзятый шахматист, сообщил мне, что он разрешил задачу, которую я задал ему.

— А где он сейчас? — спросил я.

— Всё подстерегает американского шпиона, летая над Красным морем. Да, шахматы, — продолжал Ли, — неумирающая игра. Но и она уже не удовлетворяет нас. Мы исчерпали почти все возможные комбинации. Всякая новая является событием. У нас есть новые развлечения, новые виды спорта и искусства, которые, к сожалению, недоступны вам. Мы, например, испытываем настоящее эстетическое наслаждение, следя за ходом разрешения проблем высшей математики. Наши математические гении увлекают нас своим творчеством едва ли не в большей степени, чем вас увлекали ваши «божественные» тенора. В этой скромной комнате мы можем иметь всё, что даёт искусство, знание, жизнь. Каждый из нас может сказать: «Всё вижу, всё слышу, всё знаю». По крайней мере, могу знать всё из сокровищницы науки и видеть всё, что творится в мире…

Речь Ли была прервана каким-то странным звуком, напоминавшим отдалённый фабричный гудок. Этот звук почему-то встревожил Ли, Ин и Цаля. Они сосредоточенно замолчали. В наступившей тишине прозвучал голос:

«Алло. Говорит Радиополис. Всем. Нам удалось получить радио из Америки. Рабочие восстали на заградительных радиосооружениях,

захватили в свои руки береговую радиостанцию и успели нам сообщить, что, несмотря на ужасный террор, восстание разрастается. Просят о помощи. Последние слова радиотелеграммы: „Гибнем от дьявольских лучей. Помогите…“» — На этом радио окончилось.

Побледневший Ли поднялся.

— Несчастные. Они сожжены этими дьявольскими лучами. Больше медлить нельзя.

Обратившись к экрану, Ли сказал:

— Мы ещё увидимся сегодня.

Жена и сын кивнули головами. Экран погас.

— Надо привести в боевую готовность наши силы, которые до сих пор служили мирному труду, — сказал Ли. — Летим со мной, кстати, вы посмотрите наши силовые установки.

* * *

Однако в эту ночь нам не удалось осмотреть силовые установки.

Вади, решая шахматные задачи, не забывал зорко наблюдать горизонт. Скоро он сообщил, что неприятельская воздушная лодка вновь появилась в небе, что эскадрилья арабов гонится за ней, но отстаёт.

— Лодка летит на север. Попытайтесь отрезать ей путь.

Через несколько минут я и Ли уже летели на нашей воздушной лодке навстречу врагу. Вади по радио руководил нашим полётом. Ли осветил доску своеобразного перископа, и мы увидели приближающуюся лодку врага, а за ним, как стая птиц, летели аэропланы, преследовавшие его. Вдруг один аэроплан вспыхнул и начал падать.

— Они погибли! — воскликнул я.

— К счастью, кажется, нет, — ответил Ли. — Американец сжёг лучами только крыло аэроплана.

— Но лётчики падают.

— Это не страшно.

— Как не страшно?

Однако прежде чем я задал этот вопрос, лётчики раскрыли крылья за спиной и начали плавно снижаться.

— А что, если американец пустит испепеляющий луч в нашу лодку? — спросил я с тревогой.

— Её поверхность неуязвима. Моё изобретение, — скромно сказал Ли. — Массовое применение его ещё только налаживается.

Началась бешеная погоня. Американцы летели на север. Наша лодка не отставала. Когда настало утро, я увидел сквозь перископ белые пространства.

— Снег? — спросил я.

— Да, мы за Полярным кругом. Мистер шпион, по-видимому, направляет свой путь в Америку через Северный полюс.

Скоро мы вошли в полосу сплошных туманов и туч. Даже сильный прожектор не мог обнаружить врага.

— Проклятье! — выбранился Ли. — Если бы Америка не мешала, мы отеплили бы и полюс. Собственно говоря, это мы могли бы сделать и сейчас, но выгоды не вознаграждают затрату энергии. Неужели ему удастся скрыться?

Однако у шпионов, очевидно, была цель остаться во что бы то ни стало в пределах Европейской России, — я называю по-своему, — и выполнить какое-то поручение.

Нам сообщили, что лодка обнаружена позади нас, значительно южнее. Она шла на большой высоте, но её сумели обнаружить.

Мы полетели на юг. Целая эскадрилья таких же неуязвимых для дьявольских лучей лодок окружила врага.

— Вы можете испепелить лодку шпионов? — спросил я.

— Она так же неуязвима для лучей, как и наша. Мы можем только бросить обыкновенный взрывчатый снаряд.

Очевидно, видя себя окружённым со всех сторон, шпион вдруг произвёл совершенно неожиданный для меня вольт: лодка пошла вертикально вверх. Наши лодки последовали за нею.

Мы переместились на корму. Пилоту, вероятно, было очень трудно управлять в таком положении.

— Куда же он? На Марс? — спросил я.

— Немного пониже, — улыбаясь, ответил Ли. — К счастью или сожалению, и его и наша лодки построены не по принципу ракет, которые могут летать в безвоздушном пространстве. Они движутся при помощи винта особого устройства. Смотрите, лодка замедляет ход. Воздух становится всё реже и не служит опорой пропеллеру. Мы

догоняем. Но нам надо подняться ещё выше, чтобы бросить разрывной снаряд сверху. Вывезет ли наша машина? Отлично! Он не идёт дальше. Ещё бы немного… Везёт… Вот…

Но в этот момент воздушная лодка врага, как снаряд, грохнулась вниз, а вслед за ней полетели в бездну и мы. Я думал, что у меня лопнет сердце.

— Катастрофа? — спросил я, задыхаясь.

— Нет, только уловка врага, — ответил Ли, сидя на спинке кресла.

Я посмотрел на перископ.

— Что это? Море?

— Да, Чёрное море.

— Он грохнулся в волны. Он погиб?

— Нисколько. Лодка под водой так же хорошо плавает, как летает в воздухе. Ему не удалось скрыться в небе, и он пытается укрыться в воде.

Перед самой поверхностью воды наша лодка остановилась.

— А мы?

— Видите, другие лодки уже нырнули вслед за ним. Остальные будут дежурить на поверхности. Отсюда ему трудно уйти. Я не могу больше оставаться здесь, надо спешить на осмотр силовых установок. Но сначала дадим отдых нашему пилоту.

— На берег. Остановка, снижайтесь, — сказал Ли.

Лодка плавно опустилась. Дверь кабины пилота открылась, и на пороге появилась Эа.

— Опять вы? В этом опасном предприятии? — с удивлением спросил я.

— Разве оно опасно только для меня? — без рисовки спросила девушка.

— О, она у нас молодец, один из лучших и бесстрашнейших пилотов. Устала?

— Нисколько.

— Тогда летим скорее на гелиостанцию.

Глава восьмая
СОЛНЦЕ ПОД ЯРМОМ

Воздушный корабль начал винтом забирать высоту.

— Мы летим в солнечный край, который когда-то назывался Туркестаном, — сказал Ли. — Там мы добываем солнечную энергию. Но это далеко не единственный источник энергии. Если бы я стал описывать вам все способы добывания нами энергии, вам пришлось бы слушать не одни сутки. Достаточно сказать, что каменный уголь мы давно оставили. Его осталось слишком мало. Кажется, нет больше ни одной силы природы, которую мы не использовали бы. Мы добываем энергию, пользуясь работой ветра. Мы покорили вулканические силы, заставили работать земной магнетизм и земные электрические токи. Нам служит атмосферное электричество. Даже грозу, которой некогда с ужасом поклонялись как страшному богу, мы запрягли на службу человечеству. Морские волны, морские приливы и отливы — наши работники-богатыри. Я уже не говорю о водяных двигателях. Высоту культуры мы теперь измеряем по количеству потребляемых киловатт. И, я думаю, это самый верный и точный измеритель. Всё безграничное количество энергии, получаемой нами, мы перегоняем в центральные аккумуляторы и оттуда распространяем по радио во все уголки наших стран: по поверхности земли, в небо, где летают наши корабли, в глубину океана для наших подводных судов и даже под землю. Ну вот, мы, кажется, и прилетели, — сказал Ли.

Наш воздушный корабль мягко опустился, и я вышел из кабины. Как ни хорошо освещалась внутренность корабля, я невольно прищурился от яркого солнца. Оно резало глаза до боли. Я бывал на юге. Но этот свет как будто стал ярче, ослепительней.

— Наденьте тёмные очки, — сказал Ли, подавая очки. — Вы не привыкли к этому освещению.

Надев очки, я увидел, что ослепило меня не столько солнце, сколько огромные зеркала, отражавшие его. Эти зеркала имели форму усечённого конуса. По оси его были расположены паровые котлы, окружённые стеклянным футляром. Особое приспособление с часовым механизмом поворачивало зеркала вслед за солнцем.

— Видите, как всё это просто, — сказал Ли. — Зеркала, поставленные под углом, собирают солнечные лучи в один фокус и нагревают воду до точки кипения. Получается пар. Он приводит в действие электрические машины, а энергия, как я сказал вам, передаётся по радио.

К Ли подходили люди в таких же костюмах, как и он, ни лицом, ни наружностью не отличавшиеся от него. Ли говорил с ними о сложных технических вопросах, бросая непонятные для меня слова и термины.

Когда мы остались одни, я спросил:

— Вы разговаривали, вероятно, с инженерами. Но где же рабочие? Я хотел бы посмотреть на них.

Ли окинул меня удивлённым взглядом.

— Рабочие? Каких таких особенных рабочих вы ищете? Мы все рабочие. Один из нас знает немного больше, другой меньше, один более талантлив, другой менее, вот и вся разница. Но вернее, пожалуй, сказать, что у нас все — инженеры. Потому что каждый из наших рабочих знает больше, чем знали инженеры вашего века.

С нескрываемым удивлением смотрел я на работу этих «инженеров». Здесь никто не кричал, не распоряжался, каждый знал свою роль, все работали согласованно, как музыканты в оркестре без дирижёра.

— Вы удивлены этой «концертностью»? — спросил меня Ли. — Да, тут есть маленький секрет. Конечно, здесь большую роль играет простая привычка к коллективному труду. Вспомните хотя бы пчёл, которые умеют так дружно работать, не мешая друг другу. Но у нас дело обстоит несколько сложнее. В тех случаях, когда нам надо срочно произвести работу, требующую участия рабочих масс, мы пускаем в ход передачу мысли на расстояние. Невидимый вами «дирижёр» направляет и координирует действия отдельных работников и массы в целом.

— Передача мысли на расстояние?

— В этом нет ничего удивительного. Эль говорил, что и в ваше время уже знали, что всякая мысль сопровождается излучением электромагнитных волн. Мы развили в себе высокую чувствительность к восприятию этих волн. И при помощи передачи

мысли на расстояние нам удалось создать идеальные трудовые «артели».

— Но не подавляет ли это личность?

— В вас ещё не отмер индивидуалист, — улыбаясь, ответил Ли. — У нас нет противоречий между личностью и обществом. Всё, что полезно обществу, полезно личности. Настанет время, — продолжал задумчиво Ли, — и энергия мысли заменит собой радио. По крайней мере, в области обмена мыслями. Мы иногда и теперь прибегаем к этому способу разговоров.

— Какая невыносимая жара! — сказал я, задыхаясь от зноя.

— Спустимся в подземные галереи, там вы освежитесь, — предложил Ли.

— Шахты? — спросил я.

— А вот увидите, — загадочно ответил Ли.

И мы спустились по отлогой галерее на широкую площадку, находящуюся под землёй.

— Садитесь в лифт, это будет скорее.

Лифт перенёс нас на глубину двух десятков метров.

Выйдя из лифта, я увидел, что нахожусь посреди огромной круглой залы с высоким сводчатым потолком. Мягкий свет заливал эту залу. Во все стороны от неё шли широкие туннели.

Мы углубились в один из этих уходящих вдаль туннелей. Я с удовольствием вдыхал чистый свежий воздух. Туннель всё расширялся, и в конце его я увидел нечто, заставившее меня остановиться от неожиданности. Казалось, я вижу мираж в пустыне. Перед нами вырос огромный тропический сад. Среди пышной, сочной растительности струились фонтаны. Дорожки были посыпаны золотистым песком. Посредине сада покоилось тихое озеро необычайно чистой голубой воды. Множество птиц летало меж деревьев, наполняя воздух щебетаньем и шелестом крыльев. И над всем этим — голубой полог неба или стекла, — я не мог этого определить, — с огромным «солнцем» посередине.

— В этом подземном городе живут работники нашей солнечной станции, — сказал Ли. — Не правда ли, хороший уголок? Многим так нравится здесь, что они проводят под землёй всё своё свободное время, наслаждаясь тишиной, прохладой, прекрасным воздухом и солнечным светом, который передаётся сюда системой зеркал.

Радиоэкраны позволяют им видеть всё, что происходит в мире на поверхности земли. Их комнаты ничем не отличаются от моего белого домика. Если у нас будет время, я покажу вам замечательный аквариум, зоологический сад…

Слова Ли были прерваны каким-то грохотом, раздавшимся над нашими головами. Ли насторожился.

— Идём скорее на поверхность, там что-то случилось, — сказал он.

Мы быстро поднялись и вышли, вернее, вошли в горячую печь ярких лучей туркестанского солнца.

В тот же самый момент я увидел странное явление: на безоблачном небе вдруг образовалось прямо над нашими головами небольшое чёрное облачко.

Вдруг ослепительная, даже в лучах солнца, молния прорезала облако и, полоснув по небу, ударила в зеркальный собиратель солнечных лучей. Я невольно пригнулся от последовавшего удара грома. Осколки зеркала брызнули, как золотой дождь, в разные стороны.

— Разрядник! — закричал Ли.

Но люди уже сами знали, что делать. Не прошло и минуты, как в разных местах из-под земли начали показываться толпы людей с различными инструментами. Казалось, будто кто-то раскопал огромный муравейник и все муравьи вышли наружу.

Мне никогда не приходилось видеть, чтобы люди работали с такой быстротой и организованностью. Их было не меньше нескольких сот, и тем не менее не слышалось ни криков, ни приказаний. Каждый знал своё место, работал как часть хорошо слаженной машины. Никто никому не мешал. Ни суеты, ни давки. Одни несли запасные зеркала, другие раздвигали складные лестницы, иные разбирали осколки. Не прошло и нескольких минут, как солнечные установки были исправлены, мусор и остатки зеркал унесены. Люди ушли под землю, и ничего больше не напоминало о разрушении. Я был восхищён этой необычайной организованностью и невольно вспомнил слова Ли об оркестре, руководимом невидимым дирижёром при помощи излучения мысли.

— Однако что произошло? Откуда эта неожиданная гроза? — спросил я Ли, когда всё улеглось.

— Работа американцев, — ответил Ли. — Они сгущают на расстоянии атмосферное электричество и вызывают грозу. Очевидно, у нас где-нибудь произошёл временный прорыв воздушного заграждения. Этим и воспользовались враги, чтобы нанести разрушения нашим силовым установкам. Но в другой раз им это не удастся. Недавно мною поставлены грозовые разрядники. К сожалению, их не применяли до сих пор, считая, что и воздушное заграждение вполне охраняет нас.

Я не заметил, как подошла к нам Эа. Она сказала Ли, что шпионы пойманы, что в последней борьбе они уничтожили два наших корабля, но вместе с тем погибли и сами.

— И потом… — Эа наклонилась к самому уху Ли и что-то прошептала. Я удивился этой чрезмерной предосторожности.

Ли кивнул ей головой и, обратившись ко мне, сказал так же тихо:

— Сейчас мы выступаем.

Затем он добавил, несколько повысив голос:

— Момент слишком серьёзный. Нужна особая осторожность. Идём.

Глава девятая
ПОСЛЕДНИЙ БОЙ

В небе насколько хватал глаз видны были стаи птиц. Можно было подумать, что куда-то на ночлег слетались со всего света вороны. Но это были не птицы, а воздушные корабли, среди которых находился и наш.

— Атлантический океан! — крикнул Ли, стараясь перекричать шум ветра за стенками нашего снаряда.

Атлантический океан? Давно ли мы были в Туркестане? Решительно, эти люди победили время.

Развернувшаяся внизу картина заставила меня вскрикнуть от удивления. Весь берег моря был заполнен необычайными существами, которых можно было принять за чудовищных вымерших животных. Это были какие-то странные пресноводно-воздушные животные. Хотя они были похожи друг на друга, одни из них, дойдя до края отлогого берега, погружались в волны и, очевидно, продолжали свой путь под водой, другие плыли по поверхности воды, иные летели над океаном.

— Не правда ли, это напоминает картину первобытного мира? Стадо чудовищных ящеров идёт на водопой! Это наши истребители. Они одинаково хорошо чувствуют себя на воде, под водой и в воздухе.

Их были тысячи, быть может, сотни тысяч. И тысячи воздушных кораблей реяли в воздухе. «Какая истребительная война! — подумал я. — При таком количестве участников в один день могут погибнуть миллионы людей».

— Сколько человек насчитывает ваша армия? — спросил я Ли.

— Вы хотели спросить, вероятно, сколько киловатт? — ответил он вопросом.

Я посмотрел на него с недоумением.

— Эти орудия истребления таят в себе миллиарды киловатт энергии. А людей? Семьдесят три человека, считая и нас с вами.

— Но позвольте, кто же управляет всеми этими машинами?

— Эти машины не имеют людей. Небольшое же число людей, составляющих всю нашу «армию», управляет движением машин на расстоянии, по радио.

— Так значит?..

— Значит, это будет больше войною машин, чем людей. «Победит тот, у кого выше техника», — ведь так, кажется, говорили и в ваше время?

В этом новом для меня мире я совершенно потерял представление о времени. Побеждая огромными скоростями передвижения пространство, эти люди победили и время. Я не мог определить, сколько минут или часов продолжался наш полёт над океаном. Летя с бешеной скоростью, мы как будто хотели догнать солнце. Его последние лучи ещё золотили высокие облака над нами, когда Ли сказал:

— Мы подлетаем к берегам Америки.

Я посмотрел на него и увидел, что, против обыкновения, он был взволнован.

— Настал день, — сказал он, — когда решится судьба мира. — Погибнем ли мы или погибнут наши враги, но земной шар больше не будет разделён на две половины. Но я уверен, что погибнут они. Мы не можем погибнуть потому, что за нами — будущее, а они — последняя мрачная страница прошлого.

Не успел Ли досказать эту фразу, как и я уже отчётливо увидел американские берега.

Ещё несколько мгновений, и наши корабли уже летели над берегом, выползали из океана, быстро покрывая своими громоздкими чёрными телами отлогий берег. Место было пустынное. Мы летели значительно тише, и я мог хорошо рассмотреть невесёлый ландшафт. Берег отлого поднимался и переходил в обширную равнину, края которой пропадали во мгле надвигающегося вечера. «Неплохой плацдарм, есть где развернуться, — подумал я. — Но почему нет врага? Мы, очевидно, застали их врасплох».

Вспыхнули прожекторы, и сразу над равниной настал «голубой день». Яркий голубой свет осветил дали, и я увидел странное явление: из-за далёкого леса медленно, как слоны, двигались какие-то существа, напоминавшие гигантских сороконожек… Они направлялись к глубокой расселине, пересекавшей равнину.

— Это мосты, — сказал Ли. — Очевидно, о нашем приезде уже узнали.

— Мосты? Ходячие мосты?

— Старая штука, — ответил Ли. — У нас вам разве не приходилось видеть? Их устои подвижны, как ноги. Этими ногами, конечно, управляют люди. Управляют издалека. И мосты идут и становятся на место…

А мосты молча, деловито продолжали своё шествие, дошли до расщелины и начали осторожно, как лошадь, опускающая ноги в воду, нащупывать почву. В ту же минуту я заметил, что ноги «живых мостов» удлиняются, растут, пока не нащупают дна. Таким образом, они перебираются через расщелины, пока передний конец моста не ляжет на противоположной стороне. И мост готов. Не успели мосты наладить переправу, как из-за леса появились огромные танки, ползущие по земле, а небо, как тучей саранчи, покрылось воздушными судами.

Мы спустились на землю. Наш воздушный корабль поместили в глубокую расщелину. Ли разложил перед собою карту боя. Это была особая, светящаяся карта, где отражалась вся картина боя. Вместе с тем на карте имелись едва заметные кнопки.

Бой начался.

Впрочем, слово «бой» не подходило к тому, что я видел. Это была какая-то борьба стихий. В небе воздушные корабли столкнулись, как две грозовые тучи. Эти тучи изрыгали из себя снопы огня. Корабли сталкивались, разбивались в щепы и падали на землю ливнем металлических осколков и светящимся дождём расплавленного металла. Бешеным хороводом кружились стальные птицы в погоне друг за другом, смерчем поднимались выше облаков, опускались почти до земли, вихрем уносились в сторону и опять возвращались. Редели тучи стальных птиц, проливавшиеся обломками на землю, и вновь сгущались от новых налетевших кораблей. Им не было числа, не было конца.

То, что происходило на земле, было не менее страшно, изумительно, фантастично. Неожиданно для меня земноводные танки выпустили из стальных тел огромные клешни и бросились друг на друга, как огромные муравьи или бешено злые скорпионы. Они «жалили» друг друга струями огня, в клочья рвали стальными клешнями стальные тела, разбрасывая металлические обломки далеко вокруг. Не прошло и часа, как на месте гладкой равнины выросла целая груда обломков, пепла, кусков расплавленного металла. Но гора

эта жила, кишела, как муравейник. Танки прорывали ходы в этой горе, всюду ища противника.

Удивительнее всего было то, что во всей этой стихийной борьбе, во всех этих машинах не было ни одного человека. На поле сражения проливалась не человеческая кровь, а расплавленный металл, валялись не груды мяса, а стальные обломки. Ли был прав. Это была в подлинном смысле слова война машин. Люди где-то сидели, сидели вдали и направляли машины, которые как будто стали живыми существами.

Одного из этих живых существ, одушевлявших мёртвые машины, я видел перед собой. Это был Ли.

Он уже овладел собой. По крайней мере, был внешне спокоен. Склонившись над картой, мерцавшей фосфорическим светом, он внимательно следил за происходящим на поле сражения, как-то разбираясь во всей этой путанице мелькавших по карте пятен, теней и лучей, время от времени отдавал кому-то короткие приказания в рупор и беспрерывно нажимал клавиши, укреплённые на карте. Я видел, как от каждого его прикосновения перемещаются на карте тёмные пятнышки, а вглядываясь в перископ — как стаи кораблей и густые ряды танков, повинуясь его руке, движутся в разных направлениях. Если бы не этот перископ, то, глядя на Ли, можно было подумать, что он занят игрой в шахматы.

«В конце концов, эта война не так уж страшна, — подумал я, не высказывая вслух свою мысль, чтоб не помешать Ли. — И, пожалуй, она гуманнее прежних войн. Здесь гибнут не люди, а машины».

— Но за машинами стоят люди, их жизнь и благополучие.

Кто это сказал — Ли или я подумал вслух? В ту минуту я сам не мог отдать себе отчёта в этом. Я посмотрел на Ли. Лицо его нахмурилось. Он нервно сжал губы и несколько раз нажал на одну и ту же кнопку. Но она, видимо, не действовала. Я посмотрел в перископ и увидел, что на одном участке наши танки стоят как парализованные, а вражеские усиленно истребляют их.

— Несчастные, они погибли, — тихо сказал Ли.

— Их погибли тысячи, — ответил я, думая, что Ли говорит о машинах. — Почему же вы жалеете только эти?

— Погибли не машины, а люди. Те, которые руководили этим участком, — ответил Ли.

Только впоследствии, разговаривая с Ли, я вполне понял значение происходящих событий. Оказывается, не здесь, не на поле сражения, происходили самые драматические сцены. Главное внимание противников было направлено совсем не сюда. Исход сражения зависел от того, кто первый найдёт и поразит наибольшее количество пунктов, откуда люди управляли действиями своих машин и орудий истребления. Найти эти пункты, находящиеся на огромном расстоянии от поля сражения, было нелегко. И всё-таки их находили благодаря особым пеленгаторным аппаратам, определявшим направления радиоволн. Один только Ли рискнул поставить свой корабль почти у самого места сражения. Но у него, как я потом узнал, был свой расчёт. На месте сражения перекрещивалось столько радиоволн, что выделить излучаемую нашим кораблём радиоволну врагу было особенно трудно.

Сражение продолжалось, и расчёты Ли оправдывались. Нас не замечали. К утру сражение велось уже с явным перевесом в нашу пользу. Европейцы нащупали и истребили несколько американских руководящих центров, быстро покончив с истребительными машинами на соответствующих участках поля сражения.

Когда солнце осветило выросшую за ночь гору обломков, Ли, в первый раз за много часов, поднял голову от карты и, улыбаясь, сказал:

— Победа! Теперь уже явная победа! — И, склонившись вновь над картой, он опять углубился в своё занятие.

Вдруг карта как-то потускнела.

— Они нащупывают нас! — тихо проговорил Ли.

От этой неприятной новости у меня холодок пробежал по спине.

— Что же теперь будет? — спросил я. — Уйти незамеченным невозможно. Нас обнаружат и испепелят.

— Да, положение серьёзное. Нам нужно подумать о себе.

— Что вы думаете предпринять?

— Попытаюсь «провалиться сквозь землю», — улыбаясь даже в этот опасный момент, сказал Ли.

Я принял это за шутку. Но Ли говорил совершенно серьёзно. Правда, мы не «провалились» сквозь землю. Но наше воздушно-земноводное судно, оказывается, имело ещё одно качество, о котором я не знал.

— Этого не знают ещё и американцы, — сказал Ли. Он отдал приказ, и я услышал какой-то новый глухой шум.

— Носовая часть нашего корабля, — пояснил мне Ли, — снабжена особыми свёрлами, которые буравят землю. Для этих свёрл даже гранит не представляет преграды. Мы будем врываться в землю, как кроты. На время, чтобы «замести следы», мы не будем излучать радиоволн. Таким образом, мы проберёмся под землёй на новое место и там поднимемся на поверхность.

Мощные свёрла работали, прорывая узкий туннель. Особые лапы отбрасывали землю назад. Свёрла скрипели так, что этот пронзительный звук слышался сквозь плотные металлические стенки корабля. И весь корабль дрожал лихорадочной дрожью. Металлические кротовые лапы скребли землю и продвигали длинное тело корабля. Судя по наклону пола, мы зарывались в землю всё глубже.

Куда приведёт меня это подземное путешествие?

Глава десятая
ГОРОД-НЕБОСКРЁБ

Бурав скрежещет, скребут стальные «кротовые» лапы. Наша стальная птица, превратившись в подземное животное, неустанно роет землю и продвигается вперёд.

Временами скрежет сверла внезапно прекращается и мы попадаем в подземное озеро или реку. Тогда слышится шум винта, заменившего бурав. Потом опять скрежет. Я не знаю, из чего сделан бурав. Но он режет даже гранит и безостановочно пролагает нам путь. Только иногда, очевидно встречая слишком твёрдые пласты почвы, наш умный «крот», чтобы не задерживать движения вперёд, обходит залегания рудных пластов и находит более мягкую почву.

Наше подземное путешествие продолжалось несколько часов, и я уже начал уставать от однообразного шума. Посмотреть же, что делается на земле, мы не решались, опасаясь радиоволнами обнаружить наше местопребывание. Ли только отмечал на карте наш подземный путь.

— Где мы находимся? — спросил я его.

— Не могу сказать вам точно. Наш корабль так часто изменял направление, что нетрудно сделать ошибку. Мы должны быть где-то в окрестностях Нью-Йорка.

— А он ещё существует?

— Да, и под своим старым названием. Сейчас мы станем подниматься на поверхность.

— Но это не опасно?

— Я думаю, что наверху борьба уже окончена. И потом, надо же нам когда-нибудь подняться на землю. Довольно рыть кротовые норы.

Ли отдал распоряжение, и мы начали довольно круто ползти вверх. Лапы «крота» работали с удвоенной скоростью, как будто ему самому захотелось подышать свежим воздухом. Ещё несколько минут, и я услышал, что скрежет сверла прекратился. Стальные членистые лапы продвигали нас вперёд.

— Нос нашего корабля вышел на поверхность, — сказал Ли.

— Быть может, это вода?

— Тогда слышался бы шум винта. Я думаю, мы можем выходить.

Люк был открыт. Я вышел наружу и невольно вскрикнул от удивления. Мы находились в центре какого-то зала необычайных размеров. Скорее всего, это была площадь большого города, но над ней возвышался потолок.

«Без единой колонны! Как он держится?» — подумал я.

Площадь была полна народа, передвигавшегося в разных направлениях на подвижных площадках пола.

— Вот так штука! — воскликнул Ли. — Мы попали в самый центр города.

— Это город? — не удержался я от вопроса. Ли что-то ответил, но я не расслышал его слов.

Наше внезапное появление произвело необычайный переполох. Люди кричали пронзительными, тонкими голосами и бросались в стороны. Подвижные площадки, продолжавшие своё движение, сбрасывали людей и перемешивали груды человеческих тел. Находившиеся вблизи стеклянных стен этого странного города бросались на эти стены и бились о них, как мухи об оконные стёкла. Несмотря на громадную толщину стёкол, одна из стен не выдержала натиска и разбилась. И я с удивлением увидел, как толпы людей, словно забыв о нашем вторжении, ещё с большим ужасом начали убегать от разбитой стены.

— Что их так напугало? Теперь они бегут к нам.

Нагнувшись к моему уху, Ли крикнул мне:

— Они боятся простуды!

Шум помешал мне дослушать объяснения Ли. Удивило меня другое. Почему вся эта масса людей не пытается оказать нам сопротивление? Я начал присматриваться к этим неведомым людям. Что за странные существа! Неужели человеческая природа так выродилась? Все они напоминали рахитичных детей. Непомерно большие головы, совершенно лишённые растительности, разросшиеся как лопухи, уши, большие круглые глаза под огромным лбом и непропорционально малая нижняя часть лица, с маленьким подбородком, какой мне приходилось видеть только у грудных детей и глубоких беззубых стариков, делали эти существа малопривлекательными. Вдобавок они имели большие животы, свисавшие на маленькие, тонкие кривые ножки.

Ли спокойно и несколько презрительно смотрел на эти жалкие существа. В их круглых глазах отражались беспомощность и ужас.

— Идём, — сказал мне Ли.

Он отдал распоряжение механику ожидать нас и вызвал Эа — нашего пилота. Люк корабля захлопнулся, и мы отправились в путь среди беснующейся толпы.

Казалось, перед нами несётся вихрь, разбрасывающий людей, как сухие листья. Таким вихрем был страх, который мы возбуждали в этих существах. И всё же я удивлялся смелости Ли, ведь нас было трое, а их — тысячи.

Мы воспользовались одной из скользящих платформ и подъехали к лифту. Лифт действовал автоматически. Мы сели в лифт, и он послушно понёс нас наверх. Ли никогда не был в этом городе, тем не менее, он так уверенно держался, что его спокойствие передалось и мне.

Этаж мелькал за этажом, а мы всё ещё летели вверх. Я попытался было считать этажи, но скоро вынужден был отказаться от этого, — они мелькали слишком быстро.

— Мы, кажется, летим на небо! — улыбаясь, сказал я. — Когда же кончится эта Вавилонская башня?

— Трёхсотый этаж. Ещё двести, — ответил Ли.

Я чувствовал, что у меня начинает замирать сердце. Наконец лифт замедлил движение и бесшумно остановился.

Мы вышли и оказались на площадке уже гораздо меньших размеров. Здесь не было вращающихся площадок, да в них не было и надобности. Площадь замыкалась с четырёх сторон стеклянными стенами из голубоватого стекла, скрывавшего от глаз внутренности помещений. В стенах имелось множество дверей с номерами над ними. Ли уверенно направился к одной из них, нажал кнопку, и дверь бесшумно открылась. В ту же минуту, прежде чем мы вошли, из дверей показался молодой человек. Хотя его голова и большой лоб превосходили нормальные (с моей точки зрения) размеры, но всё его телосложение было довольно пропорционально. Большие, умные, очень светлые глаза незнакомца вспыхнули радостью, когда он увидел Ли.

— Наконец-то! Я уже беспокоился о вас.

— Здравствуй, Смит, — радушно ответил Ли. — Как дела? Ведь я на несколько часов был оторван от событий.

— Отлично! Полная победа! Но о ней ещё не знает весь город. Мы прервали сообщение. Весть о поражении Америки достигла только нижних этажей. Я дал приказ остановить работу лифтов. Ваш подъём был последним. Прошу вас, зайдите ко мне и отдохните.

Ли познакомил нас, и мы вошли в комнату Смита. Она была очень невелика. Шкафы с маленькими ящиками занимали три стены. Несколько чертёжных столов были завалены чертежами и приборами, назначение которых было мне неизвестно.

Смит был одним из инженеров, удостоившихся жить в городе. Здесь не только рабочие, но и инженеры жили при фабриках и заводах, город же населяли только денежные аристократы, державшие в своих руках власть. Смит был из рабочих. Блестящие способности выдвинули его на высокий пост. Но он не оправдал доверия господ и примкнул к рабочему восстанию. Всё это я узнал от Эа, в то время как Смит беседовал с Ли.

— Как вам понравился наш город? — обратился ко мне Смит.

— Я ещё не имел времени ознакомиться с ним.

— Я покажу вам это любопытное сооружение, — продолжал Смит. — Мы находимся на такой высоте, что не можем даже открывать окон: воздух слишком разрежён, и мы рисковали бы задохнуться. Внутри же здания мы дышим «воздухом долин», который подаётся сюда снизу особыми нагнетателями. Но если опуститься этажей на двести, то можно выйти на балкон. В хорошую погоду, когда нижележащие тучи не мешают, вы можете любоваться величественной картиной необозримых пространств. Старый Нью-Йорк, город небоскрёбов, давно исчез. На его месте построен один сплошной город-небоскрёб, высота которого намного превышает высочайшие горы в мире. Однако нам надо торопиться. Как бы наши птички не улетели из клетки. Вчерашние властители сегодня стали нашими пленниками. К сожалению, не все. Из трёх банкиров, управлявших американским миром, два всё-таки успели как-то узнать о поражении и бежали. А может быть, они решили предупредить события. Но старик Клайнс у себя. Нам надо захватить его. Идём.

Мы вновь подошли к лифту. Смит телефонировал, и лифт заработал. Мы спустились на несколько сот этажей.

— Это «бельэтаж», — улыбаясь, сказал Смит, выходя из лифта, — здесь живёт верхушка капиталистического мира. Сейчас мы пустим в ход вот этот движущийся тротуар и подъедем к дому «его величества» мистера Клайнса… Вот и готово. Дверь заперта, но мы сумеем открыть её.

Смит нажал кнопку, повернул стрелку на циферблате с цифрами, ещё раз нажал кнопку, и дверь открылась.

— Сейфы, хранящие сокровища, всегда снабжают сложными запорами…

Мы вошли в вестибюль, роскошь которого поразила меня. К моему удивлению, это была роскошь в стиле минувших веков. Но роскошь чрезмерная, пышность, о которой могли бы мечтать короли средневековья. Мебель из литого золота, малахитовые колонны, тиснёный бархат, шелка тончайших узоров, пушистые ковры, зеркала, цветы, роскошные люстры, статуи — всё говорило, кричало о силе, могуществе, богатстве владельца этого дворца.

Мы поднялись по белой мраморной лестнице, и перед нами открылся целый ряд залов, отделанных в различных стилях, начиная от стиля Людовика XIV. Белый зал с серебром, красный с позолотой, голубой, бледно-палевый, оранжевый… У меня зарябило в глазах. Казалось, мы переходили из эпохи в эпоху, из века в век. И все эти века были как бы ступеньками, ведущими вверх, на высоту могущества некоронованных королей капитала. Каждый новый зал, в который мы входили, был больше, великолепнее пройденных. Я потерял им счёт. Последние были отделаны в неизвестном мне стиле, почти болезненном в своей вычурной роскоши. С огромного бирюзового купола спускались тонкие золотые нити, а на них висели маленькие, светящиеся фонарики, своей формой и игрой цветных лучей напоминающие бриллианты.

Вся мебель была сделана из такой же имитации сверкающих алмазов, бриллиантов, изумрудов, топазов, рубинов.

— Все эти камни созданы химическим путём, — сказал Смит, — но по своему составу они ничем не отличаются от настоящих.

— Но почему мы не встретили ни одного человека? Неужели здесь нет слуг? Или все сбежали?

— Владыки этих мест, — ответил Смит, — не переносят присутствия низших существ — живых слуг. Я думаю, они просто

боятся их. Здесь всё механизировано. Ну вот мы и пришли наконец к жилым комнатам. Вот дверь в кабинет мистера Клайнса. Дверь, до сих пор закрытая для всех.

Смит распахнул дверь, и мы вошли в комнату небольших размеров, всю заваленную старинными персидскими коврами и японскими шёлковыми подушками. Среди груды подушек мы увидели существо, в котором я не сразу узнал человека. Это была какая-то куча теста, завёрнутого в голубой шёлковый халат.

При нашем входе тесто пришло в лёгкое движение, и я услышал тонкий, визгливый голос. Мистер Клайнс изволил спрашивать, кто мы и как мы осмелились прийти сюда. Эа быстро переводила мне разговор, происходивший на лаконичном новом английском языке.

Мистер Клайнс сердился. Он не слушал того, что говорил ему Смит. Всё повышая тон, Клайнс уже визжал, пугая нас страшным наказанием за дерзкое вторжение и за нарушение законов.

— Если вы сейчас же не уберётесь, я нажму вот эту кнопку, и от вас останется пепел! — кричал Клайнс, порозовев от гнева.

— Нажимайте, я жду, — спокойно ответил Смит.

Из теста отделился кусок, который оказался рукой Клайнса. Рука потянулась к кнопке.

— Я сейчас нажму, я нажимаю! — кричал он, но не приводил своей угрозы в исполнение. Наконец, видя, что Смит приближается к нему, Клайнс, с видом отчаяния на лице, нажал кнопку. Он нажимал всё сильнее, а Смит стоял живой и невредимый, насмешливо поглядывая на Клайнса. Тот опять побелел, уже от страха. Клайнс убедился, что смертоносный аппарат испортился. В его заплывший жиром мозг начало проникать сознание, что испортилось что-то не только в этом аппарате, но и в механизме всей государственной машины. Клайнс издал звук мыши, попавшейся в кошачьи лапы. Он даже попытался встать, но тотчас беспомощно опустился в подушки.

— Что же вы хотите? — пропищал Клайнс.

— Мы уже достигли того, что хотели. Вы больше не владеете Америкой. Я пришёл сказать вам, что вы арестованы. Извольте следовать за мной.

— Следовать? Куда? Но как же так, вдруг?.. Я… я ещё не завтракал. Мне предписан строгий режим.

Мы невольно улыбнулись.

— Вас накормят, — ответил Смит.

— Да, но у меня специальный режим… таблетки…

— Вы можете взять их с собой.

— Вы разрешаете? — кисло улыбнувшись, сказал Клайнс. — Они в другой комнате, я сейчас возьму их.

Груда теста зашевелилась, как опара, вылезающая из квашни. У Клайнса оказался такой большой живот и такие тонкие ноги, что, казалось, он не в состоянии ходить. И он действительно не мог ходить без механической помощи.

Рядом с Клайнсом стояла колясочка, которую я не заметил среди груды подушек. Клайнс положил на колясочку свой свисающий до колен живот, подняв его каким-то рычажком, повернул ручку, и домашний «автомобиль» тихо покатил к двери, унося полусидящего на маленькой площадке толстяка.

Когда колясочка скрылась за косяком двери соседней комнаты, Смит сказал:

— Надо, однако, последить за этим господином.

Мы прошли к двери соседней комнаты. Заглянув в неё, я воскликнул, — картина, которую я увидел, была жуткой.

Клайнс, пыхтя и хрипя от страшных усилий, взобрался на подоконник. Окно было открыто настежь. Толстяк перевесил своё грузное тело, в окне мелькнули тонкие ножки, и Клайнс полетел в бездну.

«Он покончил с собой», — подумал я.

— Проклятый толстяк, он хочет убежать от нас! — крикнул Смит, бросаясь к окну. Я последовал за ним. Круглая туша Клайнса, похожая теперь на головастика, перевернулась несколько раз в воздухе и вдруг превратилась в шар. Шар сразу замедлил падение.

— Парашют, — сказал Ли.

Навстречу этому живому шару уже летел американский аэроплан. Подлетев, аэроплан выбросил сетку и зачерпнул воздух, пытаясь поймать Клайнса, но промахнулся. В тот же момент появилось второе воздушное судно, по конструкции которого я определил, что оно европейское. Оттеснив аэроплан американцев, европейское судно тоже выбросило сеть, подцепило падающий шар и потянуло его.

— Ловко! Попалась птичка, — воскликнул Смит. — Но полюбуйтесь на эту воздушную игру. Можно подумать, что мы

присутствуем при новом виде спорта — «пушбол» в воздухе!

Игра действительно шла вовсю. Из всех окон небоскрёба падали такие же шарики, а воздушные суда двух враждебных армий гонялись за ними, как голодные стрижи за мошкарой, стараясь отбить добычу друг у друга. Но это была не игра, а эвакуация, самая странная из всех, которые когда-либо были. Остатки вражеского воздушного флота, проиграв сражение, бросились к городу-небоскрёбу, чтобы спасти от плена и унести с собой не успевших бежать жителей города. Аэропланы дрались в воздухе, сталкиваясь между собой и упуская добычу. Многие из выбрасывавшихся предпочитали даже поимку их вражеским аэропланом неминуемой смерти на площадке небоскрёба, так как не все парашюты успевали раскрыться. Много обитателей дворца миллиардеров было поймано, но многие из них успели спастись. Спастись на время.

— Дальше Земли не улетят, а весь земной шар теперь в наших руках, — сказал Ли.

Это было верно. Судьба земного шара была решена. Но борьба ещё продолжалась, как последние вспышки догоревшего костра. И эта борьба не окончилась ещё и для нас лично.

Не успела окончиться охота на падающие шары, как мы вдруг подверглись нападению. К окнам небоскрёба начали причаливать вражеские аэропланы, откуда высаживались одетые в чёрное люди. Мы бросились в соседнюю комнату и заперли дверь. Но это была плохая защита. Град пуль из беззвучно стрелявших пистолетов изрешетил дверь. Если бы мы не стояли у стены, из нас никого не осталось бы в живых. Пули, очевидно, обладали страшной силой, так как пробивали даже стену небоскрёба.

«Скверно, — подумал я, — они изрешетят нас».

Смит, не терявший спокойствия, вынул из кармана небольшую металлическую коробочку и сказал:

— Их страшное оружие, должен признаться, моё изобретение. Но они не знают, что я изобрёл и защиту против него.

Смит нажал кнопку ящичка, и я услышал жужжание. Затем он направил аппарат на нас, производя такие движения рукою, как будто он опрыскивал нас жидкостью из пульверизатора. Передавая аппарат Ли, он сказал:

— Проделайте и со мной эту операцию. Здесь собраны омега-лучи, новый вид, неизвестный вам, электроэнергии. Эти лучи облекут ваше тело невидимым флюидом, который охранит вас от пуль. Всякая пуля, прикоснувшись к вашей невидимой оболочке, превратится в пар. Вот посмотрите.

Смит стал перед дверью под градом пуль и начал поворачиваться, как под струёй душа. Вокруг него образовалось облачко от превращающегося в пар металла.

В этот момент дверь, уже изрешечённая пулями, с треском раскрылась, и в комнату ворвался отряд людей, одетых в чёрное. Другой отряд неожиданно показался из двери, ведущей во внутренние комнаты. Этот отряд, очевидно, ожидал конца атаки, чтобы не попасть под огонь атакующих с улицы, от окна.

Вошедшие, видимо, ожидали увидеть груду трупов и были очень удивлены, застав нас невредимыми. Их лица были покрыты чёрными масками — противогазовый костюм, как узнал я впоследствии, и я не мог видеть выражения их лиц. Но все они начали быстро отступать, встретившись с нами лицом к лицу. Первый отряд присоединился ко второму. Этот манёвр был понятен: мы не имели даже парашютов, и путь отступления через окно нам был отрезан. Враги соединёнными силами пытались отрезать нам путь во внутренние комнаты, надеясь, очевидно, захватить нас живыми, если не удалось прикончить смертельным оружием.

Однако они, видимо, ещё не хотели верить, что это страшное оружие бессильно против нас. Их автоматические пистолеты начали обливать нас целыми потоками пуль. Комната наполнилась паром, но мы по-прежнему стояли невредимы.

Враги опустили руки и стали совещаться. Что оставалось делать дальше? Вступить врукопашную? На это у них — детей миллионеров, — не хватало решимости. Их тела были столь же изнеженными и дряблыми, как и у их родителей. Они были сильны только своим механическим оружием. Смит, хотя был слабее моих европейских друзей, всё же выглядел значительно крепче этих выродившихся аристократов. Что касается Ли и даже Эа, то они, вероятно, без труда разбросали бы каждый по десятку этих вояк. Но особенно врагов смущал мой вид. Я должен был казаться им каким-то

мастодонтом, — настолько моё телосложение было несоразмерным в сравнении с этой новой породой большеголовых, тонконогих людей.

Совещание длилось несколько минут. Самый щупленький и тоненький из них, бывший, очевидно, начальником, отдал какое-то приказание. В ту же минуту из следующей комнаты двинулись резервы. Враги сплотились и начали медленно подвигаться к нам. Отчаянность положения заставила их решиться на рукопашный бой.

Смит принял вызов первым. Он бросился вперёд, врезался во вражеские ряды и начал разбрасывать нападавших на него. Однако ему скоро понадобилась наша помощь. Враги облепили его с ног до головы, по трое и четверо повисая на руках, хватали за ноги. Ли, Эа и я бросились к нему и освободили от этих чёрных муравьёв.

При первом же моём столкновении с врагами произошёл случай, удививший меня самого. Желая оторвать от Смита крепко ухватившегося за него человечка, я неожиданно для себя поднял всю кучу и перебросил в угол комнаты. Я никогда не был спортсменом-тяжелоатлетом и не выделялся физической силой. Но тела этих существ, не исключая и Смита, оказались необычайно легковесными. Смит упал вместе с ними и хотя, вероятно, расшибся, но был, тем не менее, очень доволен моим выступлением. Он скоро поднялся и присоединился к нам, а поверженные мною враги лежали недвижимо. Возможно, что от падения все они разбились насмерть. Этот случай произвёл настоящую панику среди врагов. Они отступили во вторую комнату. На помощь им шли всё новые подкрепления. Я видел, что целая анфилада комнат заполнена людьми в чёрном. Они решили подавить нас массой. Нам нужно было во что бы то ни стало пробиться вниз, к нашей машине. И мы дружно бросились на врагов. Завязалось горячее сражение, и, пожалуй, без меня моим друзьям пришлось бы плохо. Я расшвыривал врагов, как пустые бумажные пакеты. Они разлетались по всей комнате и замертво падали на мебель, ковры… Несколько тел повисло даже на люстрах. Я пролагал путь, но мне всё время приходилось возвращаться назад, чтобы освободить своих товарищей. Эа устала первой из нас. Два или три раза я раскапывал груду вражеских тел, чтобы освободить её. И её ответная улыбка, — или мне это только казалось? — уже не была безразличной.

Странное дело — эта улыбка прибавляла мне сил. Мне хотелось доказать Эа, что и мы, грубые люди двадцатого века, имеем свои

преимущества.

Мы оттесняли врагов комната за комнатой, лестница за лестницей. Но этот небоскрёб был чертовски велик, и врагов было чертовски много. Я чувствовал, что изнемогаю. Пот лил с меня ручьями. Руки тяжелели. Хватит ли сил? Эа смотрела на меня и улыбалась…

Глава одиннадцатая
ЖИВЫЕ МАШИНЫ

Ещё один этаж, и мы будем у цели. Я почти падал от усталости. Среди пискливых вражеских голосов я вдруг различил крик Ли. Он звал меня на помощь. Оглянувшись, я увидел, что Ли, Смит и Эа повергнуты на землю. Враги всем скопом навалились на них и пытаются задушить. Я бросился на помощь друзьям, но силы окончательно изменили мне. Я упал. Плотная масса тел покрыла меня. Я начинал терять сознание.

В этот самый момент до моего слуха донёсся — или это мне показалось? — звук фабричной трубы. Звук этот рос, усиливался и переходил в мощный рёв, от которого дрожали стеклянные стены небоскрёба. Этот чудовищный звук как будто разбудил меня. Но откуда он исходил? Я высвободил голову из груды тел и посмотрел вокруг. С нашими врагами творилось что-то невероятное. Их изнеженный слух, привыкший к тишине города-дома, и их слабые нервы не переносили резких звуков. А это был не просто звук, а мощный рёв. Среди врагов поднялась настоящая паника. Они метались, словно охваченные пламенем пожара, затыкали уши, прятали головы в груды тел, бесновались, катались по полу… А звук всё рос, и уже не только стеклянные стены, но и весь остов грандиозного здания дрожал мелкой дрожью. Даже для меня, привыкшего к рёву паровозов и автомобильных рожков, этот звук становился нестерпимым. Однако кто бы ни трубил в необычайную трубу, этот ужасный рёв явился нашим спасителем.

Ещё минута — и наши враги, одни за другим, как подкошенные попадали на пол. Некоторое время их тела конвульсивно подёргивались, потом и эти движения затихали. Неужели звук убил их?

Рёв трубы прекратился так же неожиданно, как и начался. Огромный зал представлял собою поле сражения, усеянное трупами людей, на телах которых не было ни единого повреждения, за исключением тех, кто подвернулся под мою тяжёлую руку.

Я подбежал к моим друзьям и начал приводить их в чувство. Первым пришёл в себя Ли, вслед за ним Смит. Эа лежала в

полуобморочном состоянии. Быть может, и её нервы не выдержали этой звуковой канонады, а может быть, она была измучена боем? Я поднял её и бережно понёс. Перед нами был открытый путь, если не считать массы поверженных, недвижимых тел. Мы пытались обходить их, но у дверей это оказалось невозможным: здесь тела лежали сплошной стеной. И если из поверженных не все были мёртвыми, то едва ли кто вернулся к жизни из тех, по чьим телам прошёл тяжёлой поступью я — человек двадцатого века.

Наконец мы спустились на нижнюю площадь, посреди которой стоял наш корабль. Механик был около него. Он издали приветствовал нас рукой.

— Вы живы? — крикнул он нам. — Признаться, я уже потерял надежду увидеть вас снова.

— Скажите, — обратился я к механику, — не знаете ли вы, кто поднял такой ужасный рёв?

— Я поднял, — ответил он улыбаясь. — Что же мне оставалось делать? Сидя внутри нашего корабля, я наблюдал в перископ, что делают враги. Они пытались поднять люк нашего корабля, но это им не удалось. Тогда они принесли машину, при помощи которой хотели расплавить корабль вместе со мной. И я решил отогнать их нашим «громкоговорителем». Кстати, Ли хотел испытать его действие. Ведь это его изобретение.

— Да, — сказал Ли, — «мегафон» — моё изобретение. При помощи особых усилителей я довожу силу звука до таких пределов, что колебания воздушных волн, вызываемые ими, могут убить быка и разрушить стены.

— Настоящая иерихонская труба, — сказал я.

— Такая труба уже была изобретена в ваше время Иерихоном? — заинтересовался Ли.

Очевидно, он не знал легенд далёкого прошлого. У меня не было времени рассказывать ему библейскую историю. Эа всё ещё не приходила в себя, и я начал серьёзно беспокоиться за её жизнь.

— Вот мы сейчас оживим её, — Ли вынул флакон с жидкостью и поднёс к её носу. Эа открыла глаза и улыбнулась Ли. Я пожалел, что чудодейственная бутылочка не находилась в моих руках. Но Ли как бы угадал мою мысль и сказал Эа:

— Благодарите его — он спас вашу жизнь.

Эа посмотрела на меня и улыбнулась уже мне.

— В конце концов, — скромно отвёл я от себя честь спасения девушки, — нас всех спас звук вашего мегафона и механик, который…

— Куда теперь? — спросил механик, перебивая меня. Он тоже отказывался от чести быть спасителем.

— Летим на заводы, где наша помощь необходима, — ответил Смит.

Мы вошли в корабль, механик пустил мотор, Эа уселась у руля управления, и двинулись в путь.

— Хотите посмотреть, как управляется наша машина? — услышал я голос Эа сквозь полуоткрытую дверь кабины.

— Это очень интересно, — ответил я и, пройдя в кабину пилота, сел в мягкое кресло рядом с Эа.

— Управление так несложно, что ребёнок мог бы справиться с этой машиной, — сказала Эа. — Вы видите, что, хотя мы плотно забронированы от внешнего мира, весь путь, лежащий впереди нас, с чёткостью зеркального отражения обрисовывается на этом стекле. Я вижу весь путь полёта. Ножными педалями я регулирую скорость, а рулевым колесом — направление.

Мы очень медленно катились по площади города-дома.

— Вот я пускаю сразу на вторую скорость…

Корабль рванулся вперёд.

— И направляю руль сюда…

— Куда же вы?! — вскрикнул я. — Вы направляете прямо на железобетонный остов небоскрёба…

Я ждал катастрофы и невольно сжал руку нашего пилота, но Эа только улыбнулась. Острый металлический нос корабля пробил стену огромной толщины с такой лёгкостью, что я не почувствовал даже толчка, как будто эта стена была сделана из картона. Как мог забыть я, что наш универсальный корабль ещё так недавно пробивал толщи горных пород!

Я повернул перископ и начал смотреть на землю. Мы летели невысоко. Расстилавшийся внизу ландшафт был ясно виден. Под нами проходили равнины, извилистые голубые ленты рек. Дорог не было видно, но это не удивило меня. С тех пор как воздух сделался главной дорогой, в земных дорогах не стало нужды. Меня удивило другое. Америка казалась безлюдной, заброшенной землёй. Не было видно ни

ферм, ни городов. Что бы это могло значить? Я обратился с вопросом к Эа.

— Ферм нет, — ответила она, — потому, что продукты питания добываются не на полях, а в лабораториях, химическим путём. А города?.. Богачи здесь жили в десяти гигантских небоскрёбах. Рабочие же… но вы увидите, как жили здесь рабочие.

Воздушный корабль поднялся на высоту, перевалил через большой горный кряж, и я увидел огромную долину с необычайно гладкой поверхностью, как будто вся она была асфальтирована.

— Что это, гигантский аэродром? — спросил я.

— Нет, это всего только крыша, одна сплошная крыша над фабрикой, занимающей сто двадцать квадратных километров.

— Вы так осведомлены в американских делах, как будто уже бывали здесь.

— Если бы мы не были осведомлены о многом, то и не победили бы, — ответила девушка. — Это фабрика, но вместе с тем и город рабочих, так как рабочие здесь живут на фабриках. Под этой беспредельной крышей они родятся и умирают, не видя неба над головой.

— Как это ужасно! — сказал я, ещё не зная, что это только начало тех ужасов, которые предстояло мне увидеть.

Воздушный корабль снизился прямо на крышу. Мы открыли люк и вышли. Смит нажал ногой чёрный квадрат на серой крыше. Открылась дверь, ведущая вниз. Мы стали спускаться по узкой лестнице, сразу погрузившись в полумрак.

— Здесь хозяева экономили на всём, даже на свете. Осторожней ступайте.

Небольшая лестница кончилась, и мы оказались на бетонном полу фабрики. Это здание представляло собой, даже по своей конструкции, полный контраст с городом-небоскрёбом. Если тот строился по вертикали, то фабрика — по горизонтали. Небоскрёб был весь залит лучами солнца, здесь же тусклое искусственное освещение наводило тоску. По расположению это здание было похоже на шахматную доску. Широкие, прямые улицы разделяли квадратные кварталы. Улицы были безмолвны. По полу с лёгким шумом трения двигались только бесконечные ленты, подававшие из квартала в квартал части заготовляемых машин.

— Зайдём в этот цех, — сказал Смит.

Мы вошли в большую полутёмную комнату. Недалеко от дверей вращались два стоявшие близко друг к другу колеса, около пяти метров в диаметре каждое. Я подошёл к этим колёсам и невольно отшатнулся. Между колёс прямо на земле сидел какой-то урод. У него, по-видимому, совершенно отсутствовали ноги, так как туловище помещалось в чашеобразном металлическом сосуде. Зато его руки были непомерно велики. Он вращал ими огромные колёса. Это был какой-то придаток машины. К несчастному уроду подошёл низкорослый рабочий в замасленном костюме, с маслёнкой в руке и влил в рот вертящего колёса уродца какую-то жидкость с таким видом, как будто он смазывал машину.

— Вот и пообедал, — грустно улыбаясь, сказал Смит.

Человек с маслёнкой ходил около колёс, где сидели такие же уродцы, и «смазывал» эти живые машины.

Дальше стояла машина с очень сложным и непонятным мне механизмом. В середине этой машины находилось нечто вроде коробки не больше шестидесяти сантиметров высотой, и в этой коробке бегал карлик, нажимая рычажки… И рядом такая же точно машина, с такой же коробкой и совершенно таким же маленьким человечком!

А ещё дальше я увидел отверстие в потолке и чью-то неимоверно длинную и тонкую фигуру; собственно, я увидел только ноги, так как верхняя часть туловища от пояса находилась на втором этаже. Время от времени с автоматичностью машины из отверстия появлялись руки, как длинные рычаги, захватывали подаваемые на транспортёре готовые части механизмов и поднимали их на второй этаж.

Это была не фабрика, а какой-то музей уродов. Их вид производил гнетущее впечатление. В их неподвижные, тусклые глаза нельзя было смотреть без содрогания. Я много пережил за время своего необычайного путешествия, но ещё никогда мои нервы не были потрясены до такой степени. Мне было необходимо собрать всю силу воли, чтобы не упасть в обморок.

— Нет, это слишком… Уйдём скорее из этого ада, — обратился я к Смиту.

Он тяжело вздохнул.

— Да, видеть это — большое испытание для нервов. Но вы не видели и десятой доли всех ужасов наших фабрик. Это, — Смит показал на уродцев, — безнадёжные люди, даже не люди, а живые машины. Они не только не могут освободить себя, но им уже ничем нельзя помочь. Конечно, не все рабочие превращены в такие придатки машин. Это, в сущности, пережитки старины. Много лет тому назад наша медицина сделала большие успехи в изучении действия желез внутренней секреции на развитие человеческого тела и отдельных органов. Хозяева этих фабрик не преминули использовать успехи науки для своих целей. Они заставили учёных путём подбора и воздействия на железы создавать людей, которые являлись бы такой вот составной частью машины.

— И люди соглашались на это?..

— Не люди, а голод… Всё делалось «добровольно» за грошовые прибавки, посулы, а изуродованному потомству этих «охотников» ничего больше не оставалось, как продолжить участь отцов или умереть с голоду из-за полной неприспособленности организма делать какую-нибудь иную работу. Это была эпоха «профессиональной приспособленности», доведённой до абсурда.

— Но, в конце концов, разве это могло быть выгоднее простой механизации? Например, этот великан, таскающий руками части машин на второй этаж…

— Идея была не совсем глупой. Люди делались составной частью машин в тех случаях, когда всё-таки требовалось регулировать ход трудовых процессов участием сознательной воли. Потом это было оставлено. Но часть производства осталась с людьми-машинами. Они были дёшевы и… совершенно безопасны. Если хотите, это и есть символ «идеального рабочего» с точки зрения капиталиста. Согласитесь, что в большей или меньшей степени и в ваше далёкое время капиталисты старались «машинизировать» рабочих, прикрепить живых людей к машинам на возможно больший срок, в ущерб физическому и умственному развитию. Здесь в силу сложившихся условий им удалось осуществить этот идеал до конца. Теперь эти несчастные будут вынесены на свежий воздух, увидят голубое небо и свет солнца. Мы сделаем всё возможное, чтобы облегчить им жизнь.

Я вздохнул с облегчением, когда увидел наконец подошедшего к Смиту рабочего, который казался нормально развитым и здоровым,

если не считать бледного цвета лица от постоянного пребывания в закрытом помещении.

Смит начал о чём-то разговаривать с рабочим, а мы с Ли и Эа поспешили покинуть эту могилу с заживо погребёнными.

Я вышел на поверхность и с облегчением вдохнул свежий воздух.

В этот момент раздался удар грома. Шаровидная молния, такая же, какую я видел на солнечной станции, упала на крышу, с грохотом обрушив часть её. Ещё несколько молний упало вокруг нас.

— Разрядник! — услышал я голос Смита.

Молнии прекратились. Но в наступившей тишине я вдруг услышал громкий голос, как будто исходящий с неба:

— Привет от Клайнса!

На крышу выбежал Смит.

— Проклятье! — кричал он. — Клайнсу удалось бежать!.. Эти беглецы, прежде чем погибнуть, могут наделать нам немало бед…

А Ли, открыв люк нашего корабля, спрашивал механика:

— Вы не отметили направления радиоволны?

— Есть, — ответил он.

— Тогда летим скорее!..

Глава двенадцатая
В СТРАНЕ БЕЛЫХ ДИКАРЕЙ

Опять стальная птица кружит в воздухе, увлекая меня в неведомую даль. Эа спокойно поворачивает рулевое колесо. Смит и Ли разговаривают о бегстве Клайнса.

— Не понимаю, как мог ещё раз улизнуть от нас Клайнс, эта старая хитрая лисица. Он был в высшем Совете Трёх и являлся главой правительства.

— Я уже получил сведения, — ответил Ли. — Наш аэроплан, так ловко подцепивший падающего Клайнса, сам был пойман в сети огромным аэропланом американцев. Четыре наших товарища в плену.

— Клайнса нужно разыскать и поймать во что бы то ни стало.

— Мы и поймаем его, — ответил Ли.

— Не так-то это легко. Его молнии и дерзкое напоминание о себе дали нам направление, но ведь он не стоит на месте.

— Каждый его новый выпад будет давать нам и новые нити к розыску.

— Да, но каждый его выпад будет стоить не одной человеческой жизни…

Мы летели на юг. Леса, горы и реки проносились под нами, как на киноленте, пущенной с бешеной скоростью. Вот и Панамский канал скрылся позади нас. Не слишком ли мы забираем на юг? Мы летим уже над Южной Америкой… Огромная горная цепь преграждает нам путь. Воздушный корабль набирает высоту, поднимаясь выше облаков. Земли не видно за белой пеленой, расстилающейся под нами. Заходящее солнце опускается в эту пелену, окрашивая её в пурпур.

Эа нажимает педаль ногой и вдруг бледнеет. Педаль не работает. Мотор остановился. Машина стремительно падает.

К счастью, наш корабль приспособлен к таким случайностям. Из стального тела машины выбрасываются плоские крылья. Но управление испорчено, планирование невозможно. Корабль падает в воздухе скользящими углами, как кусок картона, брошенный с высоты. Каждую минуту корабль может повернуться вниз носом или кормой и грузно упасть на землю. Только огромная высота, на которой мы

находимся, даёт нам несколько мгновений, чтобы приготовиться к этому неизбежному падению. Никто не говорит ни слова. Для всех ясно наше положение. Мы с лихорадочной быстротой прикрепляем за спиной небольшие крылья, открываем люки и выбрасываемся в вихри крутящегося вокруг нас воздуха.

Крылья затрепетали за нашими спинами, мы повисли в воздухе, а наш великолепный корабль стремительно падал.

Под нами густые заросли первобытного леса. Ещё мгновение, и корабль врезался носом в лесную чащу. Над лесом поднялся огромный столб воды и грязи, который в лучах заходящего солнца казался извержением вулкана.

— Он упал в лесное болото, — сказал Смит.

— Это к лучшему, он уцелеет, — ответил Ли.

— Да, но удастся ли нам извлечь его из болота? — мрачно проговорил Смит.

Через несколько минут наши крылья зашуршали между широких листьев тропического леса. Ярко раскрашенные попугаи с гортанными криками разлетались при виде необычайных птиц, за которых они, вероятно, нас приняли. Завизжала стая обезьян и стала забрасывать нас сочными плодами.

— Нечего сказать, гостеприимные хозяева, — сказал Смит, пытаясь освободить свои крылья от паутины лиан.

В этой гуще растений летать было невозможно. Пришлось плотно сложить крылья и спускаться по деревьям.

Внизу был полумрак. Быстро приближалась тёмная тропическая ночь. Мои ноги коснулись почвы и тотчас увязли в глине.

— Подождите спускаться, — сказал я своим спутникам, — здесь болото.

Ли зажёг карманный фонарь. Луч света блеснул на жидкой поверхности болота. Змеи, обеспокоенные неожиданным светом и нашими голосами, подняли головы над корявыми корнями и угрожающе зашипели. Я быстро вскарабкался на сук, товарищи последовали моему примеру.

— Нечего сказать, в хорошенькое положение мы попали, — сказал Смит. — Придётся переждать до утра на деревьях, а там видно будет.

Мы уселись на ветвях большого дерева, поближе друг к другу, как наши далёкие предки, и покорились судьбе. Ни одной звезды не было

видно над головой: сплошной полог листьев закрывал от нас небо. От болота поднимались сильные испарения. Я чувствовал, как дрожит соседний сук, на котором сидела Эа. От сырости её лихорадило. Среди тишины ночи слышались какие-то вздохи, шорохи, чавканье. Где-то далеко протяжно завыл неведомый зверь. И вдруг, покрывая все эти звуки, над нами послышался сильный, как звук пароходной сирены, голос:

— Привет от Клайнса!..

Вслед за этими хроматическими переливами раздался визгливый смех.

— Проклятие! — выбранился Смит. — Он издевается над нами! Это он какими-то новыми лучами испортил механизм нашего корабля. Вы оказались правы, Ли, — Клайнс подал о себе весть. Но теперь это бесполезно: наш пеленгаторный аппарат погребён вместе с кораблём.

— Но у меня есть карманный аппарат, с которым я никогда не расстаюсь, — ответил Ли. Блеснув фонариком, он определил направление радиоволны и сделал отметку по компасу.

— Вы очень запасливы, Ли, но, к сожалению, ваши отметки не много принесут нам пользы. Без корабля мы беспомощны.

Голоса замолкли, и опять тишина ночи, прерываемая чьими-то вздохами, шипеньем, криком попугая, которому, должно быть, приснилось что-то страшное. Быть может, неведомые птицы, спустившиеся с неба…

Кажется, это была самая томительная и самая длинная ночь из всех, пережитых мною. Под утро свет луны пронизал густой туман, затянувший всё вокруг белым паром. Мы несказанно обрадовались ей.

Пение и пронзительный свист птиц оповестили нас о наступлении утра. Скоро взошло солнце. Туман поднялся и стал редеть. Лес ожил и зазвенел тысячами голосов. Я посмотрел на своих спутников. Они были бледны и истомлены. Я быстро спустился с дерева и попытался ступить на землю. Но это оказалось невозможным.

— Нам придётся превратиться в обезьян и путешествовать по веткам, — сказал я своим спутникам.

Цепляясь за ветки, мы перебирались с дерева на дерево в поисках упавшего корабля, но следов его не было. Наконец на одной прогалине Эа увидела воронкообразное отверстие.

— Вот могила нашего корабля, — сказал печально механик Нэр.

Да, это была могила. Нечего было и думать извлечь тяжёлый корабль руками пятерых людей.

— Однако что же нам делать? — спросил Ли.

— Прежде всего, поискать место посуше, а потом позаботиться о пище и питье.

— У меня есть немного питательных таблеток, — сказал Ли. — Но нам их хватит всего на несколько дней. А дальше?

— А дальше нам придётся приспосабливаться к новой пище, — ответил я. — Здесь должно быть много фруктов. Если вы не можете есть их сырыми, мы добудем огонь, как добывают его дикари, и Эа будет нам готовить кушанья.

— Но я не умею готовить, — ответила девушка.

— Научитесь. Я покажу вам, как это делается. Идём.

— Вернее, лезем, — поправил меня Ли.

И мы отправились в путь. Обезьяны досаждали нам своим назойливым любопытством. Они преследовали нас целой толпой, бранились на своём обезьяньем языке, высовывали языки, потрясали кулаками и бросались в нас орехами и фруктами.

Я поймал на лету большой орех и, раскусив, съел его. Он был очень вкусен.

— Попробуйте, — предложил я Эа. Но она не решилась есть и проглотила питательную таблетку, предложенную ей запасливым Ли. Позавтракав, мы двинулись дальше. Но это лазанье быстро утомило моих спутников.

— Собственно говоря, — сказал Смит, — нам нет нужды бесконечно лазать, пока у нас есть крылья за плечами. Нам нужно добраться до лесной прогалины, и оттуда мы сможем продолжать путь по воздуху.

— Это правда, — ответил механик. — Смотрите, как ярко светит солнце. Вероятно, там есть чистое от зарослей место.

Мы направились к солнечному пятну и скоро добрались до большой лесной прогалины, залитой водой.

Неизъяснимое чувство свободы охватило нас, когда наши трепещущие крылья подняли нас в воздух. В мальчишеской радости, обернувшись назад, я сделал рукой прощальный жест изумлённым обезьянам.

Мы поднялись над лесом и долго летели над зелёным ковром. Наконец этот бесконечный лес окончился. Почва начала подниматься и скоро перешла в горный кряж.

Мы облюбовали живописный склон горы с журчащим родником и опустились у небольшой пещеры.

— Мы, кажется, проходим все этапы человеческой истории, — улыбаясь, сказал я, спускаясь на зелёную лужайку. — Из «древесного» человека мы превратились в пещерных людей.

Посмотрев на Эа, я с удивлением заметил, что у неё смыкаются веки. Как ни был запаслив Ли, он не мог захватить с собой всего. Не захватил он и пилюли, уничтожающие токсины утомления. Смит и Ли также имели совершенно сонный вид. Я натаскал в пещеру сухого мха, сделал мягкие ложа и предложил им уснуть.

— Вы поспите, — сказал я им, — а я буду сидеть у входа на страже. Неизвестно, какая опасность может здесь подстерегать нас.

Спутники не заставили себя просить и скоро заснули крепким сном. После бессонной ночи меня также клонило ко сну. Чтобы чем-нибудь развлечься, я решил попытаться добыть огонь. Мне приходилось читать о том, как это делают дикари, но сам я умел добывать огонь только при помощи спичек.

Не упуская из виду пещеры, я прошёл к близлежащему лесу, выбрал два сухих сука смолистого дерева и принялся за дело. Укрепив один сук меж корней, я начал усиленно тереть его другим суком. Работа была нелёгкая. Скоро пот лил с меня ручьями, а между тем не появлялось не только огня, но и дыма. Утомительнее всего было то, что я ни на минуту не мог прекратить своей работы, иначе дерево остынет, и всё придётся начинать сначала. Когда наконец запахло гарью и появился первый дымок, я так обрадовался, как будто сделал величайшее открытие, и начал тереть с удвоенной силой. Я был страшно увлечён своей работой. Вспыхнуло пламя, погасло, опять вспыхнуло, ещё раз погасло, и наконец сук запылал. Но мне не удалось спокойно насладиться моим торжеством.

В тот самый момент, когда запылало впервые добытое мною пламя, я услышал отчаянный крик Ли, заглушённый каким-то диким рёвом. Подняв глаза от пылающего дерева, я увидел дикарей в звериных шкурах. Неизвестно откуда появившись, они вошли в пещеру, захватили спящими моих спутников и теперь тянули их на

гору. При виде этого во мне самом пробудились первобытные инстинкты. С диким рёвом, не выпуская из руки пылающего сука и размахивая им, отчего пламя разгоралось ещё сильнее, я смело бросился на врагов, тыча в их косматые лица горящим обломком.

Вид пламени произвёл на них неожиданно сильное действие. Дикари выпустили из рук свои жертвы и, упав на колени передо мной, завыли, прося пощады. Очевидно, эти люди не были знакомы с добыванием огня и приняли меня за божество. Потрясая над головой своим пылающим факелом, я жестами дал им понять, что испепелю их, если они тронут моих спутников. Дикари как будто поняли меня и покорно кивали головами. Потом они стали совещаться меж собой. Я имел возможность более внимательно осмотреть их. Меня поразило, что их лица напоминали лица европейцев, а кожа, хотя и сильно загоревшая, была белого цвета. Очевидно, судьба столкнула нас с белыми дикарями, о существовании которых ходили слухи ещё в моё время. В следующий момент я был поражён ещё больше. В их разговоре я уловил, как мне показалось, несколько английских слов. И я не ошибся. Смит, также внимательно прислушивавшийся к их речи, вдруг заговорил с ними на каком-то ломаном английском языке, и они, по-видимому, поняли его. Между ними завязалась беседа, перешедшая в довольно горячий спор. Наконец Смит и дикари пришли к какому-то соглашению.

— Нам придётся идти за ними, — сказал Смит, обращаясь к нам. — Они не сделают нам зла, если «господин бог огня», — и Смит с улыбкой указал на меня, — не сожжёт их своим пламенем.

Нам больше ничего не оставалось, как следовать за дикарями.

— Можете ли вы себе представить, — сказал Смит, когда мы двинулись в путь, — что предки этих дикарей были когда-то стопроцентными американцами. Они были рабочими, которым не повезло. Ещё в двадцатом веке безработица создала целую «бродячую Америку», сонмы людей, выброшенных за порог культурной жизни больших городов. Американская цивилизация всё более сосредоточивалась в одних крупных центрах, а эти люди оказались предоставленными самим себе, среди дикой природы. Из поколения в поколение они сами дичали, забывали все культурные навыки, пока, наконец, как видите, не превратились в настоящих первобытных людей, которым неведомо даже добывание огня. Если бы не ваш

горящий сук, быть может, они убили бы всех нас. Не из злобы, но из простого страха перед неизвестными, новыми людьми, непохожими на них. — И, обращаясь ко мне, Смит добавил:

— Вам придётся продолжать играть вашу роль «бога огня». Это облегчит нашу участь.

Я охотно согласился и потряс своим пылающим суком.

Мы поднялись на гору и нашли целый городок пещерных людей. Навстречу нам бежали голые мальчишки. Женщины в звериных шкурах не решались приблизиться к нам и с любопытством смотрели на нас издали. У пещер и земле валялись каменные топоры и кости убитых животных. На столбах висело несколько черепов хищных зверей — трофеи удачных охот. Белый как лунь благообразный старик подошёл к нам с недоверчивым видом. Я повертел в воздухе догоравшим суком и далеко отбросил его от себя. Дуга из дыма повисла над толпой и медленно растаяла в воздухе.

Глава тринадцатая
ОСВОБОЖДЁННЫЙ МИР

Я с успехом выполнял роль «бога огня». На большой площадке перед пещерным городом ночью и днём горел неугасимый костёр, отгонявший диких зверей, за что белые дикари были мне очень благодарны. А вечерами, после захода солнца и наступления темноты, я совершал торжественное «богослужение». В глазах диких людей я имел полное право считаться существом божественным. Дело в том, что я не только владел тайной добывания огня, но и крыльями. Во время нападения дикарей и борьбы с ними у Ли, Смита и механика крылья оказались повреждёнными. Сохранились они только у меня и у Эа. И вот в тёмные вечера, окружённые всеми обитателями пещер, мы подходили с ней к костру, держа в каждой руке по смолистой палке, зажигали наши «жезлы» с разными церемониями и медленно поднимались в воздух. Дикари поднимали вой, опасаясь, что мы вознесёмся в небо и они останутся без огня. Но мы не хотели оставить наших товарищей. Помахав в воздухе горящими палками, мы разбрасывали их в стороны. Пылающие угли падали красивыми дугами, а мы плавно возвращались на землю.

Я убедился, что быть «богом» совсем не трудное занятие. Тем не менее я скоро начал тяготиться своей ролью обманщика поневоле. Ночью, сидя у костра, я мечтал о том, как было бы хорошо этих несчастных, одичавших людей освободить от их предрассудков и поднять культурно: научить земледелию, ремёслам. Но в конце концов это можно было сделать и без нас. Если бы мы освободились, мы, конечно, не забыли бы об этих людях. Освободиться, но как? Пользуясь карманным радиоприёмником, сохранившимся у Ли, мы могли слышать о том, что нас усиленно ищут, ищут друзья и враги. Из Радиополиса каждую полночь доносился к нам голос Эля.

— Ли, Эа, где вы, отзовитесь! — спрашивал он у эфира.

Но эфир молчал, потому что наша передающая станция была погребена в болоте вместе с нашим кораблём. Ли пытался снестись с Элем посредством передачи мысли на расстояние. Он сосредоточивал всю свою умственную силу и мысленно отвечал Элю. Но, вероятно,

какие-то препятствия поглощали слабые электроволны, излучаемые мыслящим мозгом, так как Эль пунктуально продолжал взывать к нам через эфир.

Искали нас и враги. Несколько раз мы перехватывали сигналы Клайнса, посылаемые своим сообщникам. Судя по этим сигналам, мы знали, что уцелело ещё довольно много врагов и находятся они где-то далеко на юге.

Хотя дикари относились к нам хорошо и не причиняли зла, тем не менее они не хотели отпускать нас, тем более что с нашими знаниями мы были им очень полезны.

Не одну ночь, сидя у костра, мы обсуждали план бегства. Но трое бескрылых связывали руки остальным. Ещё я, пожалуй, убежал бы от быстроногих дикарей, отдав свои крылья кому-нибудь из товарищей. Но двое из них всё равно оказались бы пешими, их, наверное, нагнали бы дикари. И наше положение только бы ухудшилось. А бежать нужно было во что бы то ни стало. Помимо того, что мы томились нашим бездействием, в то время когда наша, в особенности Ли, помощь была так необходима в другом месте, мои спутники страдали от голода. Питательные таблетки все вышли, а привыкнуть к новой пище они не могли. И силы их быстро падали, что ещё больше затрудняло бегство.

Однажды ночью мы сидели у костра и молчали. Маленький приёмник с громкоговорителем передавал музыку Радиополиса. Эта радиомузыка, которой мы иногда угощали наших поработителей, также казалась им сверхъестественным явлением и поднимала наш авторитет в их глазах. Радиополис веселился, празднуя победу. Новый музыкальный инструмент — электроорган — исполнял гимн победы, произведение молодого гениального композитора, соединявшего занятия музыкой с работой на одной из силовых станций. Музыка замолкла. Послышались аплодисменты. После небольшой паузы новый взрыв аплодисментов. Когда они наконец затихли, мы услышали голос Эля.

— Товарищи, — говорил старый учёный, — наша радость безмерна. День, о котором так долго мечтал мир трудящихся, настал. Последняя территория земного шара, где ещё царил капитал, неистовствовавший в своей агонии, освобождена. И всё же в нашу радость, как в музыку этого торжествующего гимна, который вы только что слушали, вплетаются грустные аккорды. Враг побеждён. Но

часть врагов бежала, захватив с собой ужаснейшие орудия истребления. Пока существует это последнее гнездо, мы не можем быть спокойны, потому что и разбитый враг может причинить нам много зла. Это первое, что омрачает нашу радость. А второе — вы знаете, о чём я буду говорить. Ли, наш лучший инженер, наша самоотверженная Эа, наш преданный работник Нэр, наш загадочный гость из прошлого и вождь американских рабочих Смит пропали без вести. Несмотря на все наши старания, нам не удалось узнать, живы они или погибли. Они не подают о себе вестей, — голос Эля дрогнул, — как мёртвые. Но мы не хотим верить в их смерть и будем продолжать наши поиски, пока не узнаем истины, печальной или радостной. Мы разослали специальные экспедиции во все части мира. Мы обшарим каждый уголок земного шара. И мы их найдём! Вместе с тем мы разыщем и наших врагов, хотя бы для этого пришлось опуститься на дно океана или подняться к звёздам. И мы уничтожим их. Только тогда наша радость станет полною и не омрачённою ничем.

Долго не смолкавшие аплодисменты покрыли речь Эля.

Взволнованный Ли поднялся.

— Помощь близка, — сказал он, — будем терпеливы. Какое несчастье, что я не могу послать им привет!.. Мне хотелось бы кричать, кричать так, чтобы мой голос услышали в далёком Радиополисе…

Возбуждённые, мы так и не уснули в эту ночь.

Несколько дней подряд мы не отходили от радиоприёмника. Мы всё чаще стали получать сигналы от воздушных судов, которые искали нас. Мы знали о пути их полёта. Некоторые пролетали в нескольких стах километров от нас. Иные из них погибли от внезапного нападения вражеских судов. Клайнс, очевидно, тоже следил за ходом розысков и старался всячески вредить им.

На исходе второй недели, когда я собирал сучья для костра, ко мне подбежала взволнованная Эа и сказала:

— Идите скорее. Ли получил важные вести.

Я поспешил к отведённой нам для жилья пещере. Там я застал Ли, Смита и Нэра. Ли нервно тёр руки и расхаживал по пещере, рискуя разбить голову о низкий свод. Увидев меня, он сказал:

— Я только что получил известие, что один из наших кораблей сегодня ночью прилетит всего в десяти километрах от нас. На крыльях

вам легко преодолеть это пространство. Корабль будет лететь медленно. Постарайтесь чем-нибудь привлечь его внимание, и мы спасены. Второго такого случая может не представиться.

— Вы нужнее, — ответил я. — Летите лучше вы. Я дам вам свои крылья.

Но Ли решительно отказался.

— Случай сохранил крылья вам, вы и полетите. Вы — гость среди нас, и я не могу подвергать вас риску остаться здесь, если есть возможность спастись и, быть может, спасти нас. Полетите вы и, на всякий случай, — Эа. Она поможет вам сигнализировать.

Как я ни отказывался, но в конце концов принуждён был согласиться.

Мы высчитали время, когда должны были вылететь. Оно приходилось на полночь. Затем общими усилиями мы сделали две большие связки костров из смолистых сухих ветвей.

В этот вечер, чтобы усыпить бдительность дикарей, моё «священнодействие» отличалось особой торжественностью. Я разбрасывал с высоты целые фейерверки горящих кусков дерева, практикуясь вместе с тем в сигнализации. Дикари были в восторге, с криками одобрения разошлись они по окончании моего представления по пещерам и крепко, как дети, уснули. Впрочем, не совсем как дети. Я уже мог убедиться не раз, что дикари умеют спать с чуткостью животных. При малейшем шуме они просыпаются и засыпают не раньше, чем убедятся, что кругом всё спокойно. Поэтому нам надо было соблюдать крайнюю осторожность. От исхода предприятия зависела если не жизнь, то наша свобода.

Мы все сидели у костра. Это было обычно и не могло возбудить подозрения дикарей. Мы прислушивались к их дыханию, вздрагивали, как при крике ребёнка во сне. Мы были взволнованы, но молчали. Всё уже было обдумано и сказано. Ли посмотрел на хронометр.

— Пора, — тихо сказал он.

Мы поднялись. Наступил самый решительный момент. Я и Эа разожгли наши факелы, пламя которых мы должны были поддерживать во всё время полёта, и начали спускаться вниз, подальше от пещер, чтобы не разбудить спящих шелестом наших крыльев.

Прощание было коротким, но сердечным.

— В добрый путь, — сказал Ли.

Мы тихо поднялись на воздух, пролетели над лесом, обогнули склон горы, поднимаясь всё выше и ускоряя полёт.

— Если бы не эти факелы, — сказала Эа, — мы могли бы лететь гораздо быстрее.

— Хорошо ещё, что ветра нет, — ответил я, — посмотрите, какая чудная ночь.

— Да, но плохо то, что всходит луна. Сегодня полнолуние. В тёмную ночь наши факелы были бы видны лучше.

Мы поднялись ещё выше, но неожиданно попали в поток сильного ветра. Мой факел погас. Хорошо, что я летел не один. Иначе мне пришлось бы опускаться вниз, чтобы добыть огонь трением, а на это ушло бы много времени. Я зажёг свой факел от огня факела Эа, и мы спустились ниже, где было тихо. Скоро мы достигли линии, через которую должен был пролететь наш воздушный корабль. Моё волнение достигло крайних пределов. Чтобы свет наших факелов был лучше виден, мы отлетели друг от друга, создав, таким образом, две светящиеся точки. Несколько раз нам казалось, что мы слышим гул приближающегося корабля, но это был обман слуха.

— Летит! — вдруг крикнула мне Эа, указывая на горизонт.

Она не ошиблась. На диске луны чётко вырисовывался силуэт сигарообразного воздушного корабля; пролетев диск луны, он потерялся на фоне тёмно-синего неба, но потом опять стал заметен. Он шёл прямо на нас, быстро увеличиваясь в размерах.

Мы вынули запасные факелы, зажгли их и, держа в каждой руке по факелу, начали махать ими в воздухе.

— Они заметили нас, корабль летит сюда, — возбуждённо крикнула Эа.

Но радость наша была преждевременной. Немного не долетев до нас, корабль вдруг начал заворачивать влево. Я размахивал факелами, рискуя загасить их, — корабль продолжал уклоняться в сторону. Вот уж он миновал нас, последняя надежда угасала…

— Зажигайте все факелы, бросайте часть их на землю, — крикнул я Эа что было мочи.

Вспыхнуло такое яркое пламя, что теперь уже мы сами рисковали сгореть живыми. Жар опалял лицо, я задыхался от дыма, но неистово продолжал махать факелами.

В тот момент, когда отчаяние уже стало овладевать мною, налетевший ветер сдул дым в сторону, и я увидел, что корабль резко изменил полёт и быстро приближается к нам.

— Наконец-то! Мы спасены! — крикнул я Эа.

Корабль спустился, замедлил полёт, выбросил нечто вроде сети и подхватил нас в эту сеть прежде, чем мы успели бросить факелы. Хорошо, что сеть оказалась металлической и достаточно крупной. Мы выбросили в отверстия сети факелы и с нетерпением ожидали, когда нас поднимут на корабль. Наконец через открытый люк мы были доставлены в просторную каюту.

Первое же лицо, которое я увидел, заставило меня в ужасе отшатнуться. Если бы люк уже не был закрыт, и, быть может, бросился бы вниз. Это было лицо врага. Из одного плена мы попали в другой. Ни слова не говоря, нас заперли в железную каюту, лишённую всякой мебели. Мы были так подавлены, что даже не говорили друг с другом. Что будет с нами? Нам не приходилось рассчитывать на пощаду. И что будет с Ли, Нэром и Смитом?..

Мы летели долго. Наконец мы почувствовали, что корабль снижается, замедляет полёт, останавливается. Так же молча наши тюремщики вывели нас наружу. Два ощущения сразу больно ударили по нервам. Яркий свет солнца после полумрака нашей тюрьмы и резкое чувство холода.

Корабль остановился на площадке, лежавшей на поверхности какого-то океана. Кругом плавали огромные ледяные горы. Посреди площадки был люк. Конвоируемые толпой американцев, мы вошли в лифт и стали спускаться. Спускались мы довольно долго. Наконец мы вышли из лифта и пошли по коридору вдоль стеклянной стены. Сквозь толстое стекло проникал снаружи бледный свет. За стеклом виднелось зеленоватое водное пространство с мелькавшими в нём огромными рыбами. Мы были на дне океана, в подводном городе — последнем убежище американцев.

Глава четырнадцатая
НА РАССВЕТЕ

— Где находится Смит? Где Ли? — и, не ожидая моего ответа, Клайнс спросил меня, очевидно издеваясь надо мною: — Какую смерть вы предпочитаете, спокойную, как засыпание, или сопровождаемую агонией ужаснейших страданий?

Да, это был Клайнс. Тестообразный, с огромной головой, он сидел, зарывшись в подушки, и смотрел на меня своими водянистыми глазами.

За стеклянной стеной колыхалась вода, в которой виднелись рыбы, привлечённые светом из комнаты подводного городка.

— Какую смерть вы предпочитаете? — ещё раз спросил меня Клайнс.

— Я предпочитаю жизнь, — ответил я.

Мой ответ очень рассмешил Клайнса. Он долго смеялся тонким, визгливым смехом. Наконец, вытерев слезящиеся глаза, он ответил:

— Я тоже предпочитаю жизнь, и потому вы должны умереть. Вопрос только в том — как. Если вы скажете, где Смит и Ли, вы умрёте спокойно. Если не скажете — вас ждут страдания, самые ужасные мучения, какие только может испытать человек.

— Смит, Ли и механик погибли при крушении корабля, они не успели надеть крылья.

— Гм… вы уже успели сговориться с этой девушкой!

(Я не сговаривался с нею, но оказалось, что по счастливой случайности она, допрошенная раньше меня, дала такие же объяснения.)

— Ваша ложь будет скоро раскрыта. И тогда пеняйте на себя, — сказал Клайнс. Он хорошо говорил на языке европейцев. Потом он перешёл на родной язык.

Коротая время у дикарей, я, благодаря новым, упрощённым методам усвоения языков, довольно скоро научился говорить на новом английском языке, беря уроки у Смита.

— Приведите врача, — сказал Клайнс.

«Сейчас, очевидно, меня будут пытать в присутствии врача», — подумал я.

Вошёл врач, такой же большеголовый, как Клайнс, но не столь полный — он ходил, не пользуясь подпорками и коляской.

— Осмотрите этого человека, — сказал Клайнс врачу, указывая на меня.

Врач с удивлением посмотрел на моё телосложение, затем приступил к самому тщательному осмотру. Он принёс с собой целый ряд аппаратов и последовательно осмотрел с их помощью мои лёгкие, сердце, печень… Кажется, ни одного органа он не оставил без внимания. Потом он шприцем взял у меня кровь и тут же произвёл анализ.

— Ну что? — спросил Клайнс, внимательно следя за всеми манипуляциями врача.

— Прекрасная кровь, — ответил врач. — Количество красных кровяных шариков на двести процентов выше нормального. Это совершенно исключительный экземпляр человеческой породы.

— Прекрасно, — ответил Клайнс.

Я абсолютно не мог понять, какое значение имеет состав крови у человека, которого хотят подвергнуть пыткам и медленной смерти. Скоро, однако, моё недоумение рассеялось. Меня положили на стол возле Клайнса и произвели переливание крови из моих вен в вены Клайнса.

Так вот что значила его фраза: «Я тоже хочу жить, и потому вы должны умереть»! Я должен был умереть не только как враг Клайнса, но и потому, что моя кровь должна была продлить его жизнь.

— Я чувствую себя гораздо лучше, — сказал Клайнс вскоре после операции переливания. — Ко мне вернулась моя прежняя энергия. А она мне так необходима. Ведь мы будем бороться до конца. Питайте его лучше, чтобы я смог как можно больше извлечь из него крови, а потом… он получит должное.

Какой ужас! Своею кровью я должен был укреплять силы самого страшного врага моих друзей, укреплять силы для борьбы с ними… Если мне суждено умереть, то хорошо было бы отравить свою кровь, пусть она отравит и Клайнса…

Надо будет поговорить об этом с Эа, может быть, ей удастся достать нужный яд.

Однако мне не удалось привести в исполнение эту мысль. С Эа я виделся только урывками. Причём врач перед каждым новым переливанием производил анализ крови.

Благодаря хорошему питанию и уходу я не очень обессилевал от потери крови в первое время. Но всё же постоянное обескровливание начало сказываться. Я чувствовал слабость, головокружение.

Какая нелепая смерть!

Посмотрев как-то в зеркало, висевшее в одной из проходных комнат, я ужаснулся бледности своего лица.

В этот день, во время операции переливания, врач, не стесняясь моего присутствия, сказал:

— Ну, кажется, эти ресурсы близки к окончанию. Нам придётся заняться девушкой. К сожалению, её кровь не так богата красными шариками…

«Эа! Неужели и её постигнет та же участь?» — с ужасом думал я, лёжа на операционном столе.

— А с этим что? — спросил Клайнс, лежавший рядом.

— Мы можем ещё использовать его железы внутренней секреции, — ответил врач. — Сделаем пересадку. Это обновит ваш организм и придаст устойчивость составу вашей крови. Однако надо спешить, так как он на грани острого малокровия. Сделаем передышку на несколько дней, возьмём ещё два-три стакана крови, и тогда можно будет оперировать.

На меня смотрели как на обречённого и потому совершенно не стеснялись говорить при мне обо всём. Во время операций переливания Клайнс беседовал со своими друзьями и подчинёнными. Из этих разговоров я узнал, что американцы на всякий случай заблаговременно приготовили себе это убежище. Подводный город находился в самой заброшенной части мира, недалеко от Южного полюса. Для того чтобы не обнаружить его местопребывания, отсюда не производили никаких радиопередач. Но американские корабли продолжали совершать налёты, сообщая в город о всех событиях.

Посреди комнаты, в которой находился Клайнс, стояли громкоговоритель и большой экран, на котором отражались события внешнего мира.

Однажды, лёжа на операционном столе, я увидел на этом экране картину, глубоко взволновавшую не только меня, но, кажется, и самого

Клайнса. Это было во время предпоследнего переливания крови. Экран вдруг осветился, и я увидел площадь в парке Радиополиса. На трибуне, среди радостно возбуждённой толпы, стояли Ли и Смит и рассказывали друзьям о своём спасении. Оказалось, что следом за американским кораблём летел наш. Увидав раскиданные по земле догоравшие факелы, друзья, летевшие на розыски, остановили корабль в воздухе. Сотни крылатых людей вылетели из корабля и рассеялись по окружающей местности, ярко освещённой прожектором, чтобы разыскать тех, кто мог зажечь факелы в этой дикой безлюдной местности. Так были найдены Ли, Смит и Нэр.

— Вы, кажется, говорили, что они погибли при падении? — с кривой усмешкой спросил меня Клайнс.

Но усмешка быстро сошла с его лица, когда он услышал о том, что дальше говорил Ли.

Он говорил, что нашим кораблям удалось выследить то место, куда слетаются корабли американцев и откуда они вылетают.

— Таким образом, мы открыли место, где прячется это последнее осиное гнездо.

Случайно повернувшись в сторону Клайнса, Ли сказал:

— Клайнс, быть может, вы видите меня. Так слушайте. Сдавайтесь без боя и отдайте нам наших друзей. Если вы не сделаете этого, мы будем к вам беспощадны. Вместе с вами мы не хотим губить и наших друзей и потому не приводим нашу угрозу в исполнение немедленно. Даю вам сутки на размышление.

Хотя я не видел в этот момент моего лица, но лицо Клайнса, вероятно, было так же бледно, как и моё. Несмотря на протесты врачей, Клайнс приказал немедленно созвать совещание штаба инженеров.

— Мы открыты, — сказал он, когда все явились. — Что делать? Здесь нам оставаться невозможно. Ваше мнение, Крукс.

Я уже слышал эту фамилию. Крукс был главным конструктором, соперничавшим в гениальности с Ли. Его огромная голова с непомерно большим лбом свисала от тяжести на правое плечо, так что он смотрел вбок, исподлобья.

Крукс беспомощно развёл руками.

— Мы предвидели то, что рано или поздно будем открыты. Вы знаете, что я сконструировал огромный летающий корабль — целый

город, который может вместить всех нас. Этот корабль лежит рядом с подводным городом, в океане. Его движущая сила основана на принципе ракет, и потому на нём мы можем подняться выше атмосферы и летать в безвоздушном пространстве. Мы могли бы продержаться на нём неопределённо долгое время далеко от Земли. Но… тут есть большое «но». Несмотря на все успехи химии, мы не можем обеспечить питанием всех нас более чем на два-три года. Если бы нам удалось возобновить запасы, ну, хотя бы клетчатки, мы бы добыли из неё всё, что нужно для питания. Но для этого мы должны держаться ближе к Земле, чтобы наши небольшие суда могли от времени до времени спускаться на Землю в безлюдных местах и пополнять запасы химических продуктов и воды. Но эти малые суда скоро были бы уничтожены один за другим…

— Значит, мы обречены… — раздельно произнёс Клайнс.

— Да, мы обречены, как, впрочем, все живущие на Земле, — ответил Крукс.

— Это вы хорошо сказали, — возбуждённо проговорил Клайнс, — хотя, может быть, вы и не думали о том, о чём думаю я. Если обречены умереть мы, то пусть не позже, а вместе с нами умрут все живущие, все до одного. Мы взлетим вверх на нашем воздушном городе, и мы… мы пустим в ход атомную энергию. Мы развяжем все разрушительные силы всех атомов, находящихся на земле, и взорвём весь земной шар. Кто возражает против этого? Конечно, никто. Если нам суждено умереть, существование Земли теряет всякий смысл.

На этом совещание было закончено, и все обитатели подводного города начали с отчаянной поспешностью готовиться в последнее путешествие. Так как все шли на смерть, сборы были невелики — нужно было только поднять на поверхность огромный воздушный корабль, перебраться на него и подняться на воздух.

Через несколько часов всё было закончено. Огромный город-корабль взмыл над землёй.

Все были так поглощены мыслью о предстоящей гибели, что совершенно забыли обо мне и Эа. Мы скоро разыскали друг друга и ушли подальше от всех, в нижнюю часть корабля, игравшую роль трюма. Здесь в огромных кладовых хранились всяческие запасы.

— Эа, неужели через несколько часов, быть может, минут мир погибнет? — спросил я.

— Да, мир может погибнуть, — ответила она. — Мы должны, если сумеем, попытаться предотвратить эту опасность. Но как?..

Мы посмотрели друг на друга, и вдруг наши глаза засветились мыслью, — мы уже знали, что одною и той же мыслью.

В этих трюмах должны быть запасы взрывчатых веществ, достаточные для того, чтобы взорвать весь корабль со всеми его обитателями и нами самими. Взорвать корабль прежде, чем Крукс пустит в ход атомную энергию, — и Земля будет спасена!

Не говоря друг другу ни слова, мы с Эа бросились на поиски.

Только бы успеть!..

Обежав несколько комнат, мы наконец нашли то, что искали. В мягких подушках на полках, снабжённых пружинами, лежали бомбы. Достаточно взорвать одну бомбу, как взлетит на воздух весь склад. Но мы взяли две бомбы — Эа тоже хотела принять непосредственное участие в спасении Земли.

С бомбами в руках мы в последний раз взглянули друг на друга.

— Прощай, Эа, — сказал я дрогнувшим голосом.

— Прощай! — тихо ответила она, и лицо её осветилось печальной улыбкой, как бледным лучом солнца, мелькнувшим между осенних туч.

Мы подняли тяжёлые бомбы и бросили их на пол.

Взрыв… Пламя… Ничто…

*** * ***

— Эа, Эа! — закричал я, сам удивляясь тому, что ещё могу кричать, и открыл глаза… На моём письменном столе горела лампа, а сквозь окно пробивался сумрачный свет московского утра.

— Наконец-то, — услышал я незнакомый голос. Это был голос врача.

— Что с Эа? Она тоже жива? — спросил я доктора, ещё не соображая, почему я вновь оказался в Москве.

— Лежите спокойно, — ответил врач. — Вы ещё бредите. Вы были очень больны, но теперь опасность совершенно миновала.

1928